

ВИЛЬГЕЛЬМ ГАУФ

КАРАВАН
(СБОРНИК)

Вильгельм Гауф
Караван (сборник)

«Остеон-Групп»

1826

Гауф В.

Караван (сборник) / В. Гауф — «Остеон-Групп» , 1826

ISBN 978-5-85689-209-2

Литературное наследие Гауфа заключается в трёх сборниках сказок, нескольких романах и поэмах. Эти произведения навсегда вписали имя Вильгельма Гауфа в историю мировой литературы. Его мистические, иногда страшноватые, иногда грустные сказки проникнуты духом Востока, но в то же время лишены обычной восточной мишуры. Он – один из тех немногих авторов, кто умел сделать из заурядных легенд о привидениях и бедняках, наказывающих злых богачей, волшебные, яркие, запоминающиеся шедевры, которые интересно читать и по сей день как детям, так и взрослым.

ISBN 978-5-85689-209-2

© Гауф В., 1826
© «Остеон-Групп» , 1826

Содержание

Коротко об авторе	6
Присказка	7
Караван	10
Рассказ о калифе аисте	13
I	13
II	15
III	17
IV	19
V	21
Рассказ о корабле привидений	24
Рассказ об отрубленной руке	32
Спасение Фатьмы	43
Рассказ о Маленьком Муке	56
Сказка о мнимом принце	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Вильгельм Гауф

Караван

© Л.И. Моргун. Адаптация текста, примечания. Редактирование, 2018

© ООО «Остеон-Групп», 2018

Коротко об авторе

Вильгельм Гауф (Wilhelm Hauff) – один из даровитейших и до сих пор еще популярных немецких рассказчиков (1802–1827). Его «Альманах сказок на 1826 г.» сразу завоевал ему видное место в немецкой литературе. Он явился в нем романтиком младшей школы и учеником Гофмана. Уступая своему учителю в силе и глубине фантазии, Гауф далеко превосходил его ясностью образов и мысли, законченностью формы и изяществом языка. В его сказках бездна добродушного, веселого юмора, одинаково обаятельного и для детей, и для взрослых. Самый избитый сюжет восточной сказки (вроде, например, «Маленького Мука»), бродивший по Европе уже несколько столетий, он умел превратить в занимательную, исполненную житейской и психологической правды повесть. Его «Альманах» под именем «Сказок Гауфа» перепечатывался несчетное количество раз. В том же 1826 г. явился его роман «Лихтенштейн», один из лучших исторических романов Германии. В 1827 г. выходят его «Mitteilungen aus Memoiren des Satans», в которых он удачно и далеко не рабски усваивает фрагментарную манеру Гофмана. В том же году появляется его небольшая, до сих пор усердно читаемая книжка «Phantasien im Bremer Rathskeller», в которой его жизнерадостная фантазия высказывается во всей своей силе. Тогда же издан им ряд удачно задуманных новелл (лучшими из них считаются «Die Bettlerin vom Pont des Arts» и «Das Bild des Kaisers»). Германия надеялась иметь в нем одного из лучших своих беллетристов и поэтов (некоторые из его лирических пьес немедленно после своего появления сделались народными песнями), но он умер, не дожив и до 25 лет. Полное собрание его произведений издано Швабом (с биографией) в 1830 г. См. Klaiber, «W. Ch. Hauff. Ein Lebensbild des Dichters» (Штутгарт, 1881). На русском языке: «Тайны Бианетти» (в «Библ. для чтения», 1855, № 134) и «Сказки Гауфа» (СПб., 1883).

А. Кирпичников.

Присказка

В некотором прекрасном, далеком царстве, (гласит предание) сады вечно зелены и солнце никогда не заходит, с начала веков и донныне царствует лучезарная царица Фантазия. Много веков она была счастьем всех ее окружавших, была любима всеми, кто ее знал. Но сердце у царицы было такое пламенное, что она не могла не бросать лучей своих благодеяний далеко за пределы собственного царства. В царственном блеске своей вечной юности и красоты, она сошла на землю: она слыхала, что там живут люди, которые невесело проводят время, в труде и работе, часто в горе и нужде. Им-то она и принесла лучшие дары из своего царства, и с тех пор, как прекрасная царица прошла по земле, люди стали веселее, имели более светлых часов.

Детей своих, не менее прекрасных и приветливых чем она сама, царица тоже посылала на землю радовать людей. Однажды с земли вернулась Сказка, её старшая дочь. Мать заметила, что она скучна, и даже глаза у неё как будто заплаканы.

– Что с тобою, дитя мое? – спросила ее царица, – ты вернулась такая печальная, унылая... Расскажи, доверься матери.

– Ах, я бы сейчас сказала, – ответила Сказка, – если бы не знала, что мое горе и тебя огорчить.

– Все равно, скажи, дитя мое, – упрашивала царица, – горе – это тяжелый камень: одного задавить, но двоим легко его снести.

– Ты приказываешь, – сказала Сказка, – так слушай же. Ты знаешь, как я люблю бывать у людей, как я охотно сижу у самых бедных тружеников перед хижинкой, и болтаю с ними часок после работы. Бывало, они мне дружески подадут руку, когда я приду, и с улыбкой, довольные, провожают меня ласковым взглядом, когда я ухожу; но в последнее время стало совсем не то.

– Бедная моя Сказка! – пожалела царица дочь и погладила ее рукою по щеке, на которой блестела слезинка. – Но тебе, может быть, все это только так кажется?

– Поверь мне, это так, – ответила Сказка, – сердце не обманет: они меня более не любят. Куда я ни приду, меня встречают холодные взгляды, мне нигде не радуются; даже дети и юноши, которые всегда так меня любили, и те надо мною смеются и поворачиваются ко мне спиною.

Царица подперла голову рукою и задумалась.

– Какая может быть причина, – проговорила она, – что люди так изменились?

– Они везде наставили ученых сторожей, которые зорко осматривают и разбирают всё, что приходит из твоего царства. Если явится пришлец им не по душе, они поднимают крик и шум, убивают его или так очерняют у людей, – а люди верят им на слово, – что мы уже не встречаем ни крошки любви, ни капли доверия. Как на этот счет хорошо братьям моим, Снам! Они весело слетают, им нет дела ни до каких сторожей; они навещают спящих людей и вволю рисуют им картины, радующие глаз и сердце.

– Братья твои ветреники, – возразила царица, – и тебе, моя любимица, нечего им завидовать. Я, впрочем, знаю хорошо этих таможенных сторожей; люди не совсем неправы, что их поставили: являлся не один пустой ветрогон и прикидывался, будто он прямо из моего царства, а сам разве только с какой-нибудь горы заглядывал к нам.

– Но за что же вымещают они это на мне, твоей родной дочери? – огорчалась Сказка. – Ах, если бы ты только знала, как они меня обижают! Обозвали меня старой девой и грозились в другой раз вовсе не пускать...

– Не пускать мою дочь! – с негодованием воскликнула царица. – Но я догадываюсь от кого эта напасть: это всё наделала твоя злая тетка, – это она наклеветала на вас.

– Мода? может ли такое быть! – наивно изумилась Сказка. – Да ведь она всегда так нас ласкает, кажется любить нас!

– Ох, уж она мне, притворщица! – сетовала царица. – Но ты, на зло ей, попытайся еще раз, дитя мое. Кто хочет делать добро, тот не должен так легко уступать первой неудаче.

– А если они в самом деле меня не пропустят? или так очернят, что люди на меня и не взглянут, а с пренебрежением отвернутся?

– Если большие, ослепленные Модою, от тебя отвернутся, – попытай счастье у детей и у юношей. Молодежь я всегда любила всем сердцем. Молодежи я посылаю самые чарующие образы и картины через твоих братьев-Снов; я и сама не один раз слетала к ним, ласкала их, целовала, учила их хорошим играм и сама с ними играла. Молодежь меня знает хорошо, хотя, может быть, и не слыхала моего имени, и сколько раз я замечала, как дети ночью улыбались, заглядываясь на мои золотые звезды, а утром, когда по небу несутся мои белые овечки-облака, хлопали от радости в ладоши. Когда они подрастут, и тогда они меня любят; я помогаю девочкам плести венки из пестрых цветов, а резвые шалуны-мальчики притихают, когда я к ним подсяду на вершине высокой скалы, вызываю из тумана далеких голубых гор высокие замки и дворцы и обращаю розовые облака заката в отряды отважных всадников и шествия набожных пилигримов.

– Ну, хорошо, – сказала тронутая Сказка. – Так и быть, попытаю у них еще раз счастья.

– Да, доброе дитя мое, – уговаривала ее царица, – сойди к ним. Только дай я тебя принаряжу, чтобы ты малюткам понравилась, а больше не оттолкнули тебя. Я тебя одену праздничной книжкой для подарка.

– Праздничной книжкой? Ах, мне неловко явиться перед людьми в такой пестрой одежде.

По знаку царицы прислужницы принесли хорошенький наряд ярких цветов, с вотканными красивыми фигурами. Они заплели ей длинные волосы в косы, подвязали ей золотые сандалии и одели ее.

Скромная Сказка едва смела поднимать глазки, но мать любовалась ею и горячо ее обняла.

– Иди, – сказала она ей, – с тобою мое благословение. И если тебя осмеют и оттолкнут, то воротись и останься со мною; придет время: люди опять будут следовать голосу природы и сердце их снова обратится к тебе.

Так сказала царица Фантазия. И Сказка слетела на землю. Крепко билось у нее сердце, когда она подходила к месту, где стояли ученые сторожа. Она низко, низко склонила голову, плотнее обтянула на себе красивое платье и робкими шагами подошла к воротам.

– Стой! – встретил ее густой, строгий голос.

– Караул, выходи! пришла новая книжка.

Сказка задрожала; к ней бросилось множество немолодых людей с суровыми лицами; в руках у них были острые перья, острым концом обращенные к Сказке. Один из них подошел совсем близко и грубо взял ее за подбородок.

– Ну-ка, голову выше, книжонка! – крикнул он, – поглядим по глазам, принесла ли ты что-нибудь путное, или нет?

Сказка, краснея, приподняла личико и вскинула на сторожа свои темные глаза.

– Да это Сказка! – вскрикнули сторожа и расхохотались: – Сказка! А мы-то думали невесть что за важная персона! Как ты очутилась в этом наряде?

– Меня мать нарядила, – отвечала Сказка.

– Вот что! Контрабандой вздумала тебя провести? Не бывать этому. Убирайся, да проворнее! – закричали сторожа и замахнулись острыми перьями.

– Да ведь я только к детям, да к юношам хотела! – упрашивала Сказка: – хот к ним-то пустите.

– Довольно у нас слоняется вашего брата, – сказал один из сторожей: – только набивают детям головы всяким вздором.

– Пойдите, послушаем, что у неё новенького, – сказал другой.

– Ну, пожалуй, – согласились остальные: – рассказывай, только живее: нам с тобой некогда.

Сказка протянула руку и указательным пальцем вывела разные фигуры в воздухе; выступили пестрые толпы, караваны, красивые кони, богато одетые всадники, шатры в песчаной пустыне, птицы и корабли на бурных морях, тихие леса и многолюдные площади и улицы, битвы и мирные кочевья, – все это проносилось живыми, яркими, подвижными картинками.

Сказка так увлеклась вызыванием всех этих образов, что не заметила, как суровые привратники один за другим заснули. В эту минуту к ней подошел приветливый человек и взял ее за руку.

– Посмотри, милая Сказка, – сказал он, – они спят: не для них твои пестрые образы. Лучше проскользни-ка ты попроворнее в ворота. Они и знать не будут, что ты прошла, а там уж тебя никто не будет беспокоить. Я тебя возьму к себе, к моим детям; в своем доме я дам тебе спокойный, уютный уголок, там ты сможешь жить совсем сама по себе; а когда дети будут послушны и хорошо приготовят уроки, то им с товарищами о, – они спят: не для них твои пестрые образы. Лучше проскользни-ка ты попроворнее в ворота. Они и знать не будут, что ты прошла, а там уж тебя никто не будет беспокоить. Я тебя возьму к себе, к моим детям; в своем доме дам тебе спокойный, уютный уголок, там ты можешь жить совсем сама по себе; а когда дети будут послушны и хорошо приготовят уроки, то им с товарищами и подругами будет позволено посидеть часок с тобою и послушать тебя. Хочешь?

– Хочу!.. И с какой радостью я пойду с тобой к твоим детям! Как буду я стараться доставить им приятный вечерок!

Добрый человек ласково кивнул ей и помог перешагнуть через ноги спавших сторожей. Благополучно пробравшись, Сказка с улыбкой оглянулась и быстро скользнула в ворота.

Караван

Однажды по пустыне тянулся большой караван. На необъятной равнине, где ничего не видно, кроме неба и песка, уже вдали слышались колокольчики верблюдов и серебряные бубенчики лошадей; густое облако пыли, предшествовавшее каравану, возвещало его приближение, а когда порыв ветра разносил облако, взор ослепляли сверкающее оружие и яркие одежды.

Так представлялся караван человеку, который подъезжал к нему сбоку. Он ехал на прекрасной арабской лошади, покрытой тигровой шкурой. На ярко-красной сбруе висели серебряные колокольчики, а на голове лошади развевался прекрасный султан из перьев цапли. Всадник имел статный вид, и его наряд соответствовал великолепию его коня: белый тюрбан, богато вышитый золотом, покрывал голову; камзол и широкие шаровары ярко-красного цвета, сбоку кривой меч с богатой рукояткой. Тюрбан у него был низко надвинут на лицо; черные глаза, сверкавшие из-под густых бровей, длинная борода, спускавшаяся под орлиным носом, — все это

придавало ему дикий, отважный вид. Когда всадник был приблизительно в пятидесяти шагах от передового отряда каравана, он пришпорил лошадь и в несколько мгновений достиг головы шествия. Видеть одинокого всадника проезжающим по пустыне было таким необыкновенным случаем, что стража каравана, опасаясь нападения, направила на него свои копыя.

– Чего вы хотите? – воскликнул всадник, увидев, что его так воинственно встречают. – Вы думаете, что на ваш караван нападет один человек?

Пристыженная стража опять подняла свои копыя, а ее предводитель подъехал к незнакомцу и спросил, что ему нужно.

– Кто хозяин каравана? – спросил всадник.

– Он принадлежит не одному хозяину, – вежливо отвечал спрошенный, – а нескольким купцам, которые едут из Мекки на родину и которых мы провожаем через пустыню, потому что часто разный сброд тревожит проезжих.

– Так отведите же меня к купцам, – потребовал незнакомец.

– Этого теперь нельзя, – отвечал предводитель, – потому что мы должны без остановки ехать дальше, а купцы находятся по крайней мере на четверть часа позади; но если вы поедете со мной дальше, пока мы не сделаем привал для отдыха в полдень, то я исполню ваше желание.

Незнакомец ничего не сказал на это. Он вынул длинную трубку, привязанную к седлу, и сильно затягиваясь начал курить, проезжая дальше рядом с предводителем передового отряда. Последний не знал, как ему быть с незнакомцем; прямо спросить его имя он не решался, а как искусно ни старался он завязать разговор, незнакомец на слова: «Вы курите хороший табак» или «У вашей лошади славный шаг» отвечал все только коротким «Да, да!». Наконец они прибыли к месту, где хотели отдохнуть в полдень. Предводитель поставил своих людей на стражу, а сам с незнакомцем остановился, чтобы пропустить караван. Прошли тридцать тяжело нагруженных верблюдов, которых вели вооруженные проводники. За ними на прекрасных лошадях подъехали пять купцов, которым принадлежал караван. Это были большею частью люди преклонного возраста, серьезного и почтенного вида; только один казался гораздо моложе остальных, а также веселее и живее. Большое число верблюдов и вьючных лошадей замыкало шествие.

Раскинули палатки и вокруг поставили верблюдов и лошадей. В середине была большая палатка из голубой шелковой материи. Туда предводитель стражи повел незнакомца. Когда они вошли за занавес палатки, то увидели пятерых купцов, сидевших на вытканых золотом подушках. Черные рабы подавали им кушанья и напитки.

– Кого вы там привели к нам? – крикнул предводителю молодой купец.

Еще прежде чем предводитель смог ответить, незнакомец сказал:

– Меня зовут Селим Барух и я из Багдада. На пути в Мекку я был взят в плен разбойничьей шайкой и три дня тому назад тайно освободился из плена. Великий Пророк дал мне услышать в широкой дали колокольчики вашего каравана, и вот я приехал к вам. Позвольте мне ехать в вашем обществе, – вы не окажете своей защиты недостойному, а если вы приедете в Багдад, то я щедро награжу вашу доброту, потому что я племянник великого визиря.

Тогда заговорил самый старший из купцов.

– Селим Барух, – сказал он, – милости просим под нашу сень! Мы рады помочь тебе, но прежде всего садись, ешь и пей с нами!

Селим Барух сел к купцам и стал есть и пить с ними. После обеда рабы убрали посуду и принесли длинные трубки и турецкий шербет. Купцы долго сидели молча, выпуская синеватые струйки дыма и смотря, как они извивались, переплетались и наконец разносились в воздухе.

Наконец молодой купец прервал молчание.

– Так мы сидим уже три дня, – сказал он, – на лошади и за столом, ничем не занимая времени. Я испытываю сильную скуку, так как привык после обеда смотреть танцоров или слушать пение и музыку. Вы ничего не знаете, друзья мои, что заняло бы у нас время?

Четверо старших купцов продолжали курить и, казалось, серьезно думали, а незнакомец сказал:

– Если мне будет позволено, я сделаю вам одно предложение. Я думаю, что на каждом привале один из нас мог бы что-нибудь рассказать другим. Это уж могло бы занять у нас время.

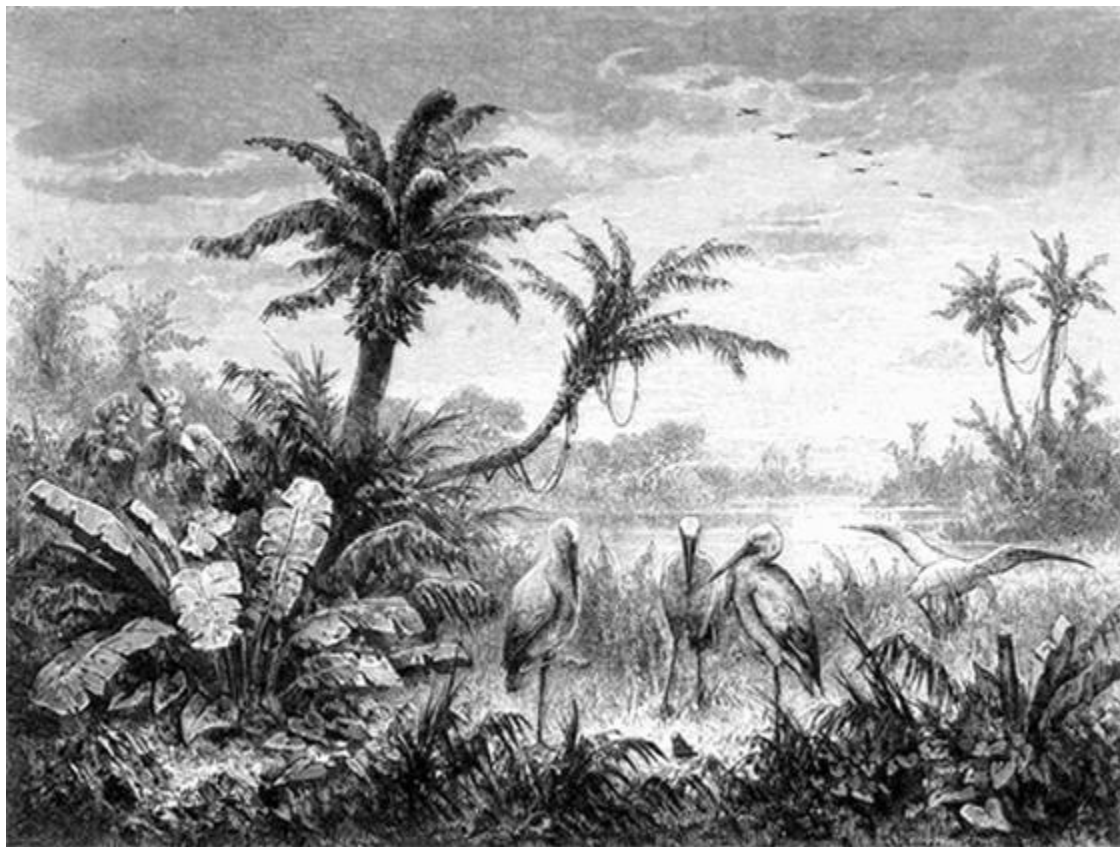
– Селим Барух, ты сказал правду, – проговорил Ахмет, самый старший из купцов. – Давайте примем это предложение!

– Я рад, что предложение вам нравится, – сказал Селим, – а чтобы вы видели, что я не желаю ничего несправедливого, начну сам.

Обрадованные купцы сдвинулись ближе и посадили незнакомца в середину. Рабы опять наполнили чаши, снова набили трубки своих господ и принесли горячих углей для раскуривания. А Селим освежил свой голос хорошим глотком шербета, разгладил вокруг рта длинную бороду и сказал:

– Так слушайте же рассказ о калифе аисте.

Рассказ о калифе аисте

I

Однажды в прекрасное послеобеденное время багдадский калиф Хасид уютно сидел на своем диване. Он немного поспал, потому что был жаркий день, и теперь, после своего короткого сна, имел очень веселый вид. Он курил из длинной трубки розового дерева, отпивал иногда немного кофе, который наливал ему раб, и всякий раз, когда кофе казался ему вкусным, весело поглаживал себе бороду. Словом, по калифу видно было, что ему очень приятно. В этот час очень хорошо можно было говорить с ним, потому что он был всегда очень милостив и снисходителен; поэтому и его великий визирь Мансор ежедневно посещал его в это время. В это послеобеденное время он тоже пришел, но против обыкновения имел очень задумчивый вид. Калиф немного вынул изо рта трубку и сказал:

– Почему у тебя такое задумчивое лицо, великий визирь?

Великий визирь крестообразно сложил руки на грудь, поклонился своему государю и ответил:

– Государь, задумчивое ли у меня лицо – я не знаю, но там внизу, у дворца, стоит торговец, у которого такие прекрасные вещи, что мне досадно не иметь много лишних денег.

Калиф, который уже давно охотно порадовал бы своего великого визиря, послал вниз черного раба, чтобы привести торговца наверх. Скоро раб вернулся с торговцем. Это был маленький, толстый человек, смуглый лицом и в оборванной одежде. Он принес ящик, в котором у него были всякие товары: жемчуг и кольца, богато оправленные пистолеты, кубки и гребни. Калиф и его визирь все пересмотрели, и калиф купил наконец для себя и Мансора прекрасные

пистолеты, а для жены визиря – гребень. Когда торговец хотел уже опять закрыть свой ящик, калиф увидел маленький выдвижной ящичек и спросил, есть ли и там еще товары.

Торговец вынул ящик и показал в нем коробку с черноватым порошком и бумагу с очень странной надписью, которую не могли прочесть ни калиф, ни Мансор.

– Эти две вещи я получил однажды от купца, который нашел их в Мекке на улице, – сказал торговец. – Я не знаю, что они содержат; они к вашим услугам за ничтожную цену, я ведь ничего не могу сделать с ними.

Калиф, который любил иметь в своей библиотеке старинные рукописи, хотя и не мог читать их, купил рукопись и коробку и отпустил торговца. Он стал думать, как бы ему узнать, что содержит рукопись, и спросил визиря, не знает ли он кого-нибудь, кто мог бы разобрать ее.

– Всемиловейший государь и повелитель, – отвечал визирь, – у большой мечети живет один человек, которого зовут Селимом Мудрецом; он знает все языки. Позови его, может быть, он знает эти таинственные знаки.

Скоро ученый Селим был приведен.

– Селим, – сказал ему калиф, – говорят, ты очень учен. Взгляни-ка немного на эту рукопись, можешь ли ты прочесть ее? Если ты сможешь прочесть ее, то получишь от меня новое праздничное платье, если не сможешь – получишь двенадцать ударов по щеке и двадцать пять по подошвам, потому что тогда тебя напрасно называют Селимом Мудрецом.

Селим поклонился и сказал:

– Да будет воля твоя, государь!

Он долго и внимательно рассматривал рукопись, но вдруг воскликнул:

– Это написано по-латыни, государь, или пусть меня повесят!

– Скажи, что в ней написано, – приказал калиф, – если это по-латыни.

Селим начал переводить:

«Человек, ты, который найдешь это, восхвали Аллаха за его милость. Кто понюхает порошка в этой коробке и при этом скажет *мутабор*¹ тот может превратиться во всякое животное и будет понимать также язык животных. Если он захочет опять возвратиться в свой человеческий образ, то пусть он трижды поклонится на восток и скажет это же слово! Но остерегайся смеяться, когда будешь превращен! Иначе волшебное слово совершенно исчезнет из твоей памяти и ты останешься животным!»

Когда Селим Мудрец прочел все это, калиф был чрезвычайно доволен. Он велел ученому поклясться никому ничего не говорить об этой тайне, подарил ему прекрасное платье и отпустил его. А своему великому визирю он сказал:

– Это я называю хорошей покупкой, Мансор! Как я буду рад, когда буду животным! Завтра утром ты придешь ко мне! Потом мы вместе пойдем в поле, понюхаем немного из моей коробки, а затем будем подслушивать, что говорится в воздухе и в воде, в лесу и в поле.

¹ Я превращаюсь.

II

Едва на другое утро калиф Хасид позавтракал и оделся, как уже явился великий визирь сопровождать его, как он приказал, на прогулку. Калиф сунул коробку с волшебным порошком за пояс и, приказав своей свите остаться сзади, отправился в путь с одним великим визирем. Сперва они пошли по обширным садам калифа, но напрасно высматривали что-нибудь живое, чтобы испробовать свой фокус. Наконец визирь предложил пойти дальше, к пруду, где он уже часто видал много животных, а именно аистов, которые своей важностью и своим курлыканьем всегда возбуждали его внимание.

Калиф одобрил предложение своего визиря и пошел с ним к пруду. Придя туда они увидели аиста, который важно расхаживал, отыскивая лягушек и иногда что-то курлыча про себя. В то же время далеко вверх, в воздухе, они увидели другого аиста, летевшего к этому месту.

– Ручаюсь своей седой бородой, всемилостивейший государь, – сказал великий визирь, – если эти двое длинноногих не поведут между собою прекрасного разговора. А что если нам сделаться аистами?

– Отлично! – отвечал калиф.

– Но прежде еще раз сообразим, как сделаться опять человеком.

– Верно! Трижды поклонившись на восток и сказав мутабор я буду опять калифом, а ты – визирем. Но только, ради неба, не смеяться, а то мы пропали!

Сказав так, калиф увидел, что другой аист парит над их головами и медленно опускается на землю. Он быстро вынул из-за пояса коробку, взял хорошую щепоть, предложил ее великому визирю, который тоже понюхал, и оба воскликнули: «Мутабор!»

Тогда их ноги сморщились и стали тонкими и красными: красивые желтые туфли калифа и его спутника сделались безобразными ногами аистов, руки – крыльями, шея вышла из плеч и стала длиной в локоть, борода исчезла, а все тело покрыли мягкие перья.

– У вас красивый клюв, великий визирь, – сказал после долгого изумления калиф. – Клянусь бородой Пророка, ничего такого я не видал в своей жизни!

– Покорнейше благодарю, – ответил великий визирь кланяясь, – но, если я могу осмелиться, я утверждаю, что аистом ваше высочество почти еще красивее, чем калифом. Однако пойдете, если вам угодно, подслушивать там наших товарищей и испытать, действительно ли мы знаем язык аистов.

Между тем другой аист прилетел на землю. Он почистил себе клювом ноги, расправил перья и подошел к первому аисту. А оба новых аиста поспешили подойти поближе к ним и, к своему изумлению, услышали следующий разговор:

– Здравствуйте, Длинноножка! Так рано и уже на лугу?

– Очень вам благодарна, моя милая Трещотка! Я добыла себе только маленький завтрак. Может быть, вам угодно четвертинку ящерицы или бедрышко лягушки?

– Благодарю покорно – у меня сегодня совсем нет аппетита. Я прилетела на луг даже совсем за другим. Я должна сегодня танцевать перед гостями своего отца и хочу немного поупражняться наедине.

В то же время молодой аист с удивительными движениями зашагал по полю. Калиф и Мансор с удивлением смотрели на него. А когда он в живописной позе стал на одной ноге и при этом грациозно замахал крыльями, тогда оба они уже не могли сдержаться: из их клювов вырвался неудержимый смех, от которого они опомнились только спустя долгое время.

Сперва успокоился калиф.

– Это была прекрасная шутка! – воскликнул он, – Такой не купишь за деньги! Жаль, что своим смехом мы спугнули глупых животных, а то они, наверно, еще и спели бы.

Но теперь великому визирю пришло в голову, что смех во время превращения был запрещен. Поэтому он поделился своим опасением с калифом.

– Клянусь Меккой и Мединой! Это была бы плохая шутка, если бы я должен был остаться аистом! Вспомни же глупое слово! Я не произнесу его.

– Мы должны трижды поклониться на восток и при этом сказать: му-му-му...

Они стали к востоку и беспрестанно кланялись, так что их клювы почти касались земли. Но горе! Они забыли волшебное слово, и сколько ни кланялся калиф, как страстно его визирь ни восклицал при этом му-му-му, всякое воспоминание о нем исчезло, и бедный Хасид и его визирь остались аистами.

III

Печально бродили заколдованные по полям. Они совершенно не знали, что им делать в своем горе. Выйти из своей кожи аистов они не могли, вернуться в город, чтобы дать возможность узнать себя, тоже не могли; ведь кто же поверил бы аисту, что он калиф? А если бы даже и поверили этому, то захотят ли жители Багдада иметь калифом аиста?

Так они блуждали несколько дней и скудно питались полевыми плодами, которыми, однако, вследствие своих длинных клювов они не могли хорошо кормиться. Впрочем, к ящерицам и лягушкам у них не было аппетита, потому что они опасались испортить себе такими лакомствами желудок. Их единственным удовольствием в этом печальном положении было то, что они могли летать, и вот они часто летали на крыши Багдада смотреть что происходит в нем.

В первые дни они замечали на улицах большое беспокойство и печаль. А приблизительно на четвертый день после своего превращения они сидели на дворце калифа и увидели внизу на улице пышное шествие. Звучали барабаны и трубы; на разукрашенной лошади сидел человек в вышитой золотом пурпурной мантии, окруженный блестящими слугами.

За ним бежала половина Багдада, и все кричали: «Да здравствует Мицра, властитель Багдада!» Тогда оба аиста на крыше дворца посмотрели друг на друга, и калиф Хасид сказал:

– Ты догадываешься теперь, почему я заколдован, великий визирь? Этот Мицра – сын моего смертельного врага, могущественного волшебника Кашнура, который в минуту гнева поклялся мне в мести. Но я еще не теряю надежды. Пойдем со мной, верный товарищ моего горя! Мы отправимся к гробу Пророка; может быть, в святом месте это колдовство будет уничтожено.

Они поднялись с крыши дворца и полетели в сторону Медины.

Но лететь им не очень-то удавалось, потому что у обоих аистов было еще мало упражнения.

– Государь, – застонал через несколько часов великий визирь, – простите, я уж недолго выдержу это! Вы летите слишком быстро! Да и уж вечер! Мы хорошо бы сделали, если бы поискали на ночь пристанища.

Калиф выслушал просьбу своего слуги, а так как внизу в долине он увидел развалины, которые, казалось, давали приют, то они полетели туда. Место, где они спустились на эту ночь, прежде, по-видимому, было замком. Среди развалин возвышались прекрасные колонны; несколько комнат, которые еще достаточно сохранились, свидетельствовали о прежнем величии этого дома. Хасид и его спутник пошли по коридорам искать себе сухое местечко.

Вдруг аист Мансор остановился.

– Государь и повелитель, – тихо прошептал он, – глупо было бы великому визирю, а еще больше аисту, бояться привидений! Мне очень страшно, потому что здесь рядом что-то только что совершенно внятно вздыхало и стонало.

Калиф тоже остановился и совершенно ясно услышал тихий плач, который принадлежал, казалось, скорее человеку, нежели животному. Исполненный ожидания, он хотел подойти к тому месту, откуда шли жалобные звуки, но визирь схватил его клювом за крыло и с мольбой попросил его не бросаться в новые, неизвестные опасности. Но напрасно! Калиф, у которого и под крылом аиста билось храброе сердце, вырвался, потеряв несколько перьев, и поспешил в темный проход. Скоро он подошел к двери, которая, казалось, была только притворена и из-за которой он услышал явственные вздохи и стоны. Он открыл дверь, толкнув ее клювом, но в изумлении остановился на пороге. В развалившейся комнате, которая скудно освещалась только небольшим решетчатым окном, он увидел сидевшую на полу большую ночную сову. Крупные слезы катились у нее из больших, круглых глаз и хриплым голосом она издавала вопли своим кривым клювом. Но когда она увидела калифа и его визиря, который

между тем тоже подкрался, она подняла громкий радостный крик. Она красиво утерла крылом с бурыми пятнами слезы с глаз и, к великому изумлению обоих, воскликнула на хорошем арабском языке:

– Милости просим, аисты! Вы для меня добрый знак моего спасения, потому что через аистов мне явится большое счастье. Так однажды мне было предсказано!

Когда калиф опомнился от своего изумления, он поклонился своей длинной шеей, красиво поставил свои тонкие ноги и сказал:

– Сова! По твоим словам я могу думать, что вижу в тебе товарища по несчастью. Но увы! Твоя надежда, что через нас явится твое спасение, напрасна! Ты сама узнаешь нашу беспомощность, когда услышишь нашу историю.

Сова попросила его рассказать, а калиф начал и рассказал то, что мы уже знаем.

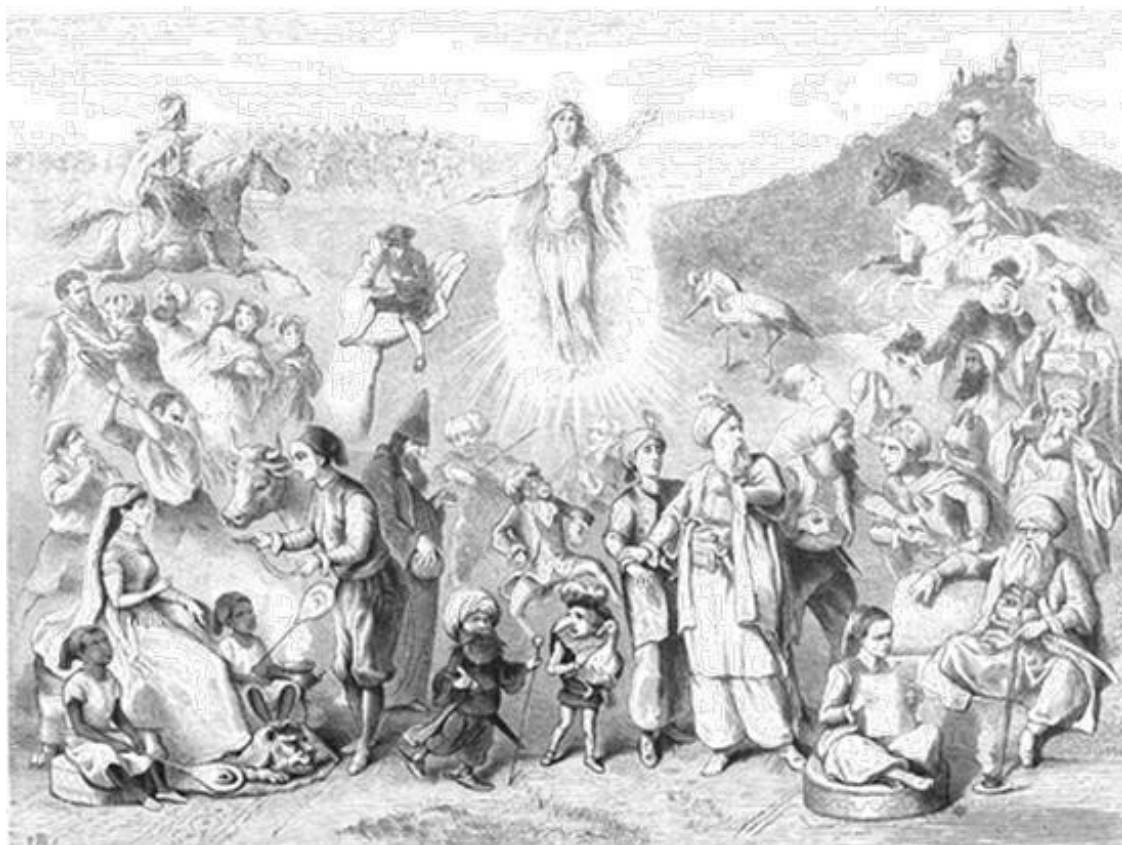
IV

Когда калиф изложил сове свою историю, она поблагодарила его и сказала:

– Узнай также мою историю и выслушай, что я не меньше тебя несчастна. Мой отец – король Индии; меня, его единственную, несчастную дочь, зовут Лузой. Тот волшебник Кашнур, который заколдовал вас, сделал несчастной и меня. Однажды он явился к моему отцу и стал просить меня в жены для своего сына Мицры. А мой отец, человек вспыльчивый, велел спустить его с лестницы. Негодяй сумел под другим видом опять подкрасться близко ко мне, и когда я однажды в своем саду захотела выпить прохладительного, он, переодетый рабом, принес мне питье, которое превратило меня в этот мерзкий вид. Он принес меня, бессильную от ужаса, сюда и страшным голосом крикнул мне в уши:

«Ты должна оставаться безобразной, презираемой даже животными до своей смерти или пока кто-нибудь добровольно не пожелает тебя, даже в этом ужасном виде, в супруги. Так я мщу тебе и твоему гордому отцу!»

С тех пор прошло много месяцев. Одиноко и печально я живу отшельницей в этих стенах, ненавидимая миром и отвратительная даже для животных; прекрасная природа недоступна мне: ведь днем я слепа, и только когда месяц разливает на эти стены свой бледный свет, с моих глаз спадает окутывающий их покров.

Сова кончила и крылом опять утерла глаза, потому что рассказ о своих страданиях вызвал у нее слезы.

При рассказе принцессы калиф погрузился в глубокие размышления.

– Если не все меня обманывает, – сказал он, – то между нашими несчастьями существует таинственная связь; но где мне найти ключ к этой загадке?

Сова отвечала ему:

– О государь, и я предчувствую это, потому что однажды, в ранней юности, мне было предсказано мудрой женщиной, что аист принесет мне большое счастье, и я, может быть, знаю, как мы могли бы спастись.

Калиф был очень изумлен и спросил, каким же путем можно спастись по ее мнению.

– Волшебник, который обоих нас сделал несчастными, – сказала она, – раз в месяц приходит в эти развалины. Недалеко от этой комнаты есть зала. Там он и многие его товарищи собираются и пируют. Уже не раз я подслушивала их там. Тогда они рассказывают друг другу свои постыдные дела; быть может, в то время он произносит волшебное слово, которое вы забыли.

– Дражайшая принцесса! – воскликнул калиф. – Скажи, когда он приходит и где эта зала!

Сова минуту помолчала, а потом сказала;

– Не обижайтесь, но только под одним условием я могу исполнить ваше желание.

– Говори! Говори! – закричал Хасид. – Приказывай, для меня все хорошо!

– Я очень хотела бы тоже быть свободной. Но это может произойти лишь тогда, когда один из вас предложит мне свою руку.

Аисты, по-видимому, были несколько смущены этим предложением, и калиф сделал своему слуге знак немного отойти с ним.

– Великий визирь, – сказал за дверью калиф, – это глупая сделка, но вы могли бы, как мне кажется, принять ее.

– Как? – отвечал визирь, – Чтобы моя жена, когда я приду домой, выцарапала мне глаза? К тому же я старик, а вы еще молоды, не женаты. Вы скорее можете отдать руку молодой, прекрасной принцессе.

– То-то и есть, – вздохнул калиф, печально опуская крылья, – кто же говорит тебе, что она молода и прекрасна? Это значит купить за глаза!

Они еще долго уговаривали друг друга, но наконец, когда калиф увидел, что его визирь предпочитает остаться аистом, нежели жениться на сове, он решился сам исполнить условие. Сова очень обрадовалась. Она призналась им, что в лучшее время они не могли бы прийти, потому что волшебники соберутся, вероятно, в эту ночь.

Она вместе с аистами покинула комнату, чтобы вести их в ту Залу. Они долго шли в темном коридоре; наконец из-за полуразвалившейся стены им блеснул в глаза яркий свет.

Когда они подошли туда, сова посоветовала им держать себя совсем тихо. Через отверстие, у которого они стояли, они могли осмотреть большую залу. Она была украшена колоннами и великолепно убрана. Множество цветных ламп заменяли дневной свет. Посредине залы стоял круглый стол, уставленный множеством изысканных кушаний. Вокруг стола тянулся диван, на котором сидели восемь человек. В одном из этих людей аисты узнали того торговца, который продал им волшебный порошок. Его сосед пригласил его рассказать им свои новейшие дела. Он рассказал между прочим и историю калифа и его визиря.

– Какое же слово ты им задал? – спросил его другой волшебник.

– Очень трудное, латинское слово – *мутабор*.

V

Когда аисты у своего отверстия в стене услышали это, они от радости почти вышли из себя. На своих длинных ногах они так быстро побежали к воротам развалин, что сова едва могла поспевать. Там растроганный калиф сказал сове:

– Спасительница моей жизни и жизни моего друга, возьми меня в супруги в знак вечной благодарности за то, что ты сделала для нас!

А затем он обернулся к востоку. Аисты трижды склонили свои длинные шеи навстречу солнцу, которое только что поднималось за горами. «Мутабор!» – воскликнули они и вмиг превратились в людей. В великой радости от вновь дарованной жизни государь и слуга смеялись и плача обнимали друг друга. Но кто опишет их изумление, когда они оглянулись? Перед ними стояла прекрасная, великолепно наряженная дама. Она с улыбкой подала калифу руку.

– Разве вы уже не узнаете свою ночную сову? – сказала она.

Это была она. Калиф был так восхищен ее красотой и прелестью, что воскликнул:

– Мое величайшее счастье, что я в свое время сделался аистом!

Теперь все трое вместе направились в Багдад.

В своей одежде калиф нашел не только коробку с волшебным порошком, но и свой кошелек с деньгами. Поэтому в ближайшей деревне он купил все, что было необходимо для их путешествия, и вот они скоро приехали к воротам Багдада. А там прибытие калифа возбудило большое изумление. Его выдавали за умершего, и поэтому народ был очень рад опять иметь своего возлюбленного государя.

Но тем сильнее возгорелась ненависть жителей к обманщику Мицре. Они пошли во дворец и поймали старого волшебника и его сына. Старика калиф отправил в ту самую комнату развалин, где принцесса жила совой, и велел повесить его там. А сыну, который ничего не понимал в искусствах отца, калиф предоставил выбрать, что он хочет: умереть или понюхать порошка. Когда он выбрал последнее, великий визирь подал ему коробку. Порядочная щепоть и волшебное слово калифа превратили его в аиста. Калиф велел запереть его в железную клетку и поставить ее в своем саду.

Долго и весело жил калиф Хасид со своей женой принцессой. Его самыми приятными часами были всегда те, когда после обеда его посещал великий визирь. Тогда они часто говорили о своих приключениях, когда были аистами, и если калиф был очень весел, то снисходил до того, что изображал великого визиря, какой вид он имел аистом. Он важно ходил не сгибая ног взад и вперед по комнате, курлыкал, махал руками, как крыльями, и показывал, как визирь тщетно кланялся на восток и при этом восклицал му-му. Для жены калифа и ее детей это представление всегда было большой радостью; но когда калиф слишком долго курлыкал, кланялся и кричал «му-му», то визирь улыбаясь грозил ему, что сообщит жене калифа, что обсуждалось за дверью принцессы ночной совы.

Когда Селим Барух окончил свой рассказ, купцы, казалось, были очень довольны им.

– Правда, послеобеденное время прошло у нас так, что мы и не заметили! – сказал один из них, открывая ковер палатки. – Дует прохладный, вечерний ветер; мы могли бы проехать еще хорошее расстояние.

Его товарищи согласились на это. Палатки были разобраны, и караван отправился в путь в том же порядке, в каком пришел.

Они проехали почти всю ночь; ведь днем было душно, а ночь была прохладная и звездная. Наконец они подъехали к удобному привалу, раскинули палатки и легли отдыхать. О незнакомце купцы заботились так, как будто он был их самым дорогим гостем. Один дал ему подушки, другой – одеяла, третий дал рабов; словом, ему прислуживали так хорошо, как будто

он был дома. Когда они опять встали, наступили уже более жаркие часы дня, и они единодушно решили дожидаться здесь вечера. Пообедав вместе, они опять сдвинулись ближе, и молодой купец обратился к самому старшему и сказал:

– Вчера Селим Барух доставил нам приятный послеобеденный отдых. Что, если вам, Ахмет, тоже рассказать нам что-нибудь из своей долгой жизни, которая, вероятно, может указать на много приключений, или хорошенькую сказку.

На это Ахмет некоторое время молчал, как бы колеблясь про себя – сказать ли ему то или другое или нет. Наконец он заговорил:

– Любезные друзья! Вы оказались в этом нашем путешествии верными товарищами, а Селим тоже заслуживает моего доверия. Поэтому я поделюсь с вами кое-чем из своей жизни, что обыкновенно я неохотно и не всякому рассказываю: я расскажу вам историю о корабле привидений.

Рассказ о корабле привидений

Мой отец имел в Бальсоре небольшую лавку. Он был ни беден ни богат и был одним из тех людей, которые неохотно решаются на что-нибудь, из страха потерять то небольшое, что имеют. Он воспитывал меня просто и хорошо и скоро достиг того, что я мог помогать ему. Как раз в то время, когда мне было восемнадцать лет и когда он совершил первое более крупное предприятие, он умер, вероятно от печали, что вверил морю тысячу золотых.

Вскоре после этого я должен был считать его смерть счастливой, так как спустя немного недель пришло известие, что корабль, на который мой отец отдал свои товары, пошел ко дну. Но эта неудача не могла сломить моего юношеского мужества. Я окончательно превратил в деньги все, что оставил мой отец, и отправился испытать свое счастье на чужбине; меня сопровождал только старый слуга моего отца, который по старинной привязанности не хотел расстаться со мной и моей судьбой.

В гавани Бальсоры мы сели на корабль при благоприятном ветре. Корабль, на котором я купил себе место, направлялся в Индию. Мы проехали обычной дорогой уже пятнадцать дней, когда капитан объявил нам о буре. Он был задумчив, потому что в этом месте он, по-видимому, недостаточно знал фарватер, чтобы спокойно встретить бурю. Он велел убрать все паруса, и мы поплыли совсем тихо.

Наступила ночь, было светло и холодно, и капитан уже думал, что обманулся в признаках бури. Вдруг вблизи нашего корабля пронесся другой корабль, которого мы раньше не видали. С его палубы раздавалось дикое ликование и крик, чему я в этот страшный час перед бурей немало удивился. А капитан рядом со мной побледнел как смерть.

– Мой корабль погиб! – воскликнул он. – Там носится смерть!

Еще прежде чем я мог спросить его об этом странном восклицании, уже вбежали с воплем и криком матросы.

– Видели вы его? – кричали они. – Теперь мы погибли!

Капитан велел читать вслух утешительные изречения из Корана и сам встал к рулю. Но напрасно! Видимо, буря разбушевалась, и не прошло часа, как корабль затрещал и остановился. Были спущены лодки, и едва спаслись последние матросы, как корабль на наших глазах пошел ко дну, и я нищим оказался в открытом море. Но несчастьем еще не было конца. Буря стала свирепствовать страшнее; лодкой уж нельзя было управлять. Я крепко обнял своего старого слугу, и мы пообещали никогда не покидать друг друга.

Наконец наступил день. Но с первым проблеском утренней зари ветер подхватил лодку, в которой мы сидели, и опрокинул ее. Никого из своих моряков я уж не видал. Падение оглушило меня, а когда я очнулся, то находился в объятиях своего старого, верного слуги, который спасся на опрокинутую лодку и вытащил за собою меня.

Буря улеглась. От нашего корабля ничего уж не было видно, но недалеко от себя мы заметили другой корабль, к которому волны несли нас. Когда мы приблизились, я узнал тот самый корабль, который ночью пронесся мимо нас и который навел на капитана такой страх. Я почувствовал странный ужас перед этим кораблем. Заявление капитана, которое так страшно подтвердилось, и безлюдный вид корабля, на котором никто не показывался, как близко мы ни подплывали, как громко ни кричали, испугали меня. Однако это было нашим единственным средством спасения, поэтому мы восхвалили Пророка, который так чудесно сохранил нас.

На носу корабля свешивался длинный канат. Мы стали руками и ногами гребсти, чтобы схватить его. Наконец это удалось. Я еще раз возвысил голос, но на корабле все оставалось тихо. Тогда мы стали взбираться по канату вверх; я, как более молодой, – впереди. О ужас! Какое зрелище представилось моим глазам, когда я вступил на палубу! Пол был красен от крови; на нем лежало двадцать или тридцать трупов в турецких одеждах; у средней мачты стоял человек, богато одетый и с саблей в руке, но его лицо было бледно и искажено, а через лоб проходил большой гвоздь, которым он был прибит к мачте, и он был мертв.

Ужас сковал мои шаги, я едва смел дышать. Наконец и мой спутник взошел вверх. И его поразили вид палубы, на которой совсем не было видно ничего живого, но лишь столько ужасных мертвецов. Наконец, помолившись в душевном страхе Пророку, мы решили пройти дальше. На каждом шагу мы оглядывались, не представится ли чего-нибудь нового, еще ужаснее. Но все оставалось так как было – нигде ничего живого, кроме нас и океана. Мы даже не решались громко говорить из страха, что мертвый, пригвожденный к мачте капитан направит на нас свои неподвижные глаза или один из мертвецов повернет голову.

Наконец мы подошли к лестнице, которая вела в трюм. Там мы невольно остановились и посмотрели друг на друга, потому что ни один не решался выразить свои мысли прямо.

– Господин, – сказал мой верный слуга, – здесь произошло что-то ужасное. Однако если даже корабль там внизу наполнен убийцами, все-таки я предпочитаю безусловно сдаться им, чем оставаться среди этих мертвецов.

Я думал так же, как он. Мы собрались с духом и стали спускаться вниз, исполненные ожидания. Но и здесь была мертвая тишина, и только наши шаги раздавались на лестнице. Мы стали у двери каюты. Я приложил ухо к двери и прислушался; ничего не было слышно. Я отворил. Комната представляла беспорядочный вид. Одежда, оружие и утварь – все лежало в беспорядке. Должно быть, команда или по крайней мере капитан недавно бражничали, потому что все было еще разбросано. Мы пошли дальше, из помещения в помещение, из комнаты в комнату; везде мы находили чудные запасы шелка, жемчуга, сахара. При виде этого я был вне себя от радости: ведь так как на корабле никого нет, думал я, то все можно присвоить себе. Но Ибрагим обратил мое внимание на то, что мы, вероятно, еще очень далеко от земли, до которой одни и без человеческой помощи не сможем добраться.

Мы подкрепились кушаньями и напитками, которые нашли в изобилии, и наконец опять поднялись на палубу. Но здесь мы все время дрожали от ужасного вида трупов. Мы решили избавиться от них и выбросить их за борт. Но как страшно нам стало, когда оказалось, что ни один труп нельзя сдвинуть с места. Они лежали на полу как заколдованные, и чтобы удалить их, пришлось бы вынимать пол палубы, а для этого у нас не было инструментов. Капитана тоже нельзя было оторвать от мачты; мы даже не могли вырвать саблю из его окоченевшей руки.

Мы провели день, печально размышляя о своем положении; когда же стала наступать ночь, я позволил старому Ибрагиму лечь спать. Сам я хотел бодрствовать на палубе, чтобы высмотреть спасение. Но когда взошла луна и я по звездам рассчитал, что, вероятно, сейчас одиннадцатый час, мною овладел такой непреодолимый сон, что я невольно навзничь упал за бочку, которая стояла на палубе. Впрочем, это было скорее оцепенение, чем сон, потому что я ясно слышал удары моря о бок корабля и треск и свист парусов от ветра. Вдруг мне показалось, что я слышу голоса и человеческие шаги по палубе. Я хотел приподняться, чтобы посмотреть, но невидимая сила сковала мои члены – я даже не мог открыть глаза. А голоса становились все яснее; мне казалось, будто по палубе бродит веселый экипаж, а иногда казалось, что я слышу сильный голос командира, причем ясно слышал, как поднимали и опускали канаты и паруса. Но мало-помалу я терял сознание и впадал во все более глубокий сон, во время которого слышал только шум оружия. Проснулся я лишь тогда, когда солнце стояло уже очень высоко и жгло мне лицо.

Я с удивлением посмотрел вокруг себя. Буря, корабль, мертвецы и то, что я слышал в эту ночь, представлялось мне сном; но когда я поднял взор, я нашел все как вчера. Мертвецы лежали неподвижно, неподвижен был прибитый к мачте капитан. Я посмеялся над своим сном и встал, чтобы разыскать своего старика.

Он очень задумчиво сидел в каюте.

– Господин! – воскликнул он, когда я вошел к нему. – Я предпочел бы лежать глубоко на дне моря, чем провести еще ночь на этом заколдованном корабле!

Я спросил его о причине его горя, и он отвечал мне:

– Проспав несколько часов, я проснулся и услышал, что над моей головой кто-то бежит взад и вперед. Сперва я подумал, что это вы; но наверху бегали по крайней мере двадцать человек, притом я слышал возгласы и крики. Наконец по лестнице раздались тяжелые шаги. Потом я ничего уж не сознавал; лишь по временам сознание на несколько минут возвращалось ко мне, и тогда я видел, что тот самый человек, который наверху пригвожден к мачте, сидит там, за тем столом, поет и пьет; а тот, который в ярко-красной одежде лежит на полу недалеко от него, сидит около него и пьет вместе с ним.

Так рассказал мне мой старый слуга.

Вы можете поверить мне, друзья мои, что на душе у меня было не очень хорошо; ведь это был не обман, ведь и я отлично слышал мертвецов. Плавать в таком обществе мне было страшно. А мой Ибрагим опять погрузился в глубокую задумчивость.

– Теперь я, кажется, припомнил! – воскликнул он наконец.

Он вспомнил заклинание, которому его научил дедушка, опытный, много путешествовавший человек. Оно должно было помогать против всякой нечистой силы и колдовства; при этом он утверждал, что тот неестественный сон, который овладел нами, в следующую ночь можно отвести, если очень усердно читать изречения из Корана.

Предложение старика мне очень понравилось. Мы со страхом стали ожидать наступления ночи. Около каюты была маленькая каморка, куда мы решили забраться. В двери мы просверлили несколько отверстий, достаточно больших, чтобы через них видеть всю каюту. Затем мы как можно лучше заперли изнутри дверь, а Ибрагим во всех четырех углах написал имя Пророка. Так мы стали ожидать ночные ужасы. Было, вероятно, опять около одиннадцати часов, когда меня стало сильно клонить ко сну. Поэтому мой товарищ посоветовал мне прочесть несколько изречений Корана, что мне и помогло. Вдруг нам показалось, что наверху становится оживленнее: затрещали канаты, по палубе раздались шаги и можно было ясно различить голоса. В таком напряженном ожидании мы просидели несколько минут, а затем услышали, что по лестнице каюты кто-то спускается. Когда старик услышал это, он начал произносить заклинание, которому его научил дедушка – заклинание против нечистой силы и колдовства:

Из поднебесья ль вы спускаетесь,
Со дна ль морского поднимаетесь,
В темной ли могиле вы спали.
От огня ли начало вы взяли,
У вас повелитель один,
Аллах – ваш господин;
Все вы покорны ему.

Я должен признаться, что совсем не верил в это заклинание, и у меня дыбом встали волосы, когда распахнулась дверь. Вошел тот высокий, статный человек, которого я видел пригвожденным к мачте. Гвоздь и теперь проходил у него через мозг, но меч был вложен в ножны. За ним вошел еще другой, менее великолепно одетый – и его я видел лежащим наверху. У капитана, ведь это, несомненно, был он, было бледное лицо, большая черная борода и дико блуждающие глаза, которыми он оглядывал всю комнату. Когда он проходил мимо нашей двери, я мог видеть его совершенно ясно, а он, казалось, совсем не обращал внимания на дверь, которая скрывала нас. Оба сели за стол, стоявший посредине каюты, и громко, почти крича, заговорили между собой на незнакомом языке. Они становились все шумнее и сердитее, пока наконец капитан не ударил кулаком по столу, так что комната задрожала. Другой с диким смехом вскочил и сделал капитану знак следовать за ним. Капитан встал, выхватил из ножен саблю, и оба оставили комнату. Когда они ушли, мы вздохнули свободнее; но нашему страху еще долго не было конца. На палубе становилось все шумнее и шумнее. Послышалось торопливое беганье взад и вперед, крик, смех и вопли. Наконец поднялся поистине адский шум, так что мы думали, что палуба со всеми парусами упадет на нас, бряцание оружия и крик – и вдруг наступила глубокая тишина. Когда мы спустя много часов решились взойти наверх, мы нашли все по-прежнему: ни один труп не лежал иначе, нежели раньше. Все были неподвижны, как деревянные.

Так мы пробыли на корабле несколько дней. Он шел все на восток, туда, где по моему расчету должна была лежать земля; но если даже днем он проходил много миль, то ночью, по-видимому, всегда возвращался назад, потому что, когда всходило солнце, мы находились

всегда опять на том же месте. Мы могли объяснить себе это не иначе как тем, что мертвецы каждую ночь на всех парусах плыли назад. Чтобы предотвратить это, мы до наступления ночи убрали все паруса и прибегли к тому же средству, как у двери в каюте: мы написали на пергаменте имя Пророка, а также заклинание дедушки, и привязали его к собранным парусам. Мы со страхом стали ожидать в своей каморке последствий. Нечистая сила неистовствовала на этот раз, казалось, еще злобнее; но на другое утро паруса были еще скатаны, как мы их оставили. В течение дня мы поднимали лишь столько парусов, сколько было необходимо, чтобы корабль тихо плыл дальше, и таким образом в пять дней прошли хорошее расстояние.

Наконец утром шестого дня мы на незначительном расстоянии заметили землю и возблагодарили Аллаха и его Пророка за свое чудесное спасение. Этот день и следующую ночь мы плыли у берега, а на седьмое утро нам показалось, что недалеко виднеется город. С большим трудом мы бросили в море якорь, который тотчас захватил землю, спустили маленькую лодку, стоявшую на палубе, и изо всей силы стали грести к городу. Спустя полчаса мы вошли в реку, которая вливалась в море, и вступили на берег. В городских воротах мы осведомились, как называется город, и узнали, что это индийский город, недалеко от того места, куда я сперва хотел ехать. Мы отправились в караван-сарай и подкрепились после своего путешествия, исполненного приключений. Там же я стал спрашивать о каком-нибудь мудром и разумном человеке, давая хозяину понять, что я хотел бы иметь такого, который немного понимает в колдовстве. Он повел меня в отдаленную улицу, к невзрачному дому, постучался, и меня впустили, с указанием, что я должен спросить Мулея.

В доме навстречу ко мне вышел старый человечек с седой бородою и длинным носом. Он спросил, что мне надо. Я сказал ему, что ищу мудрого Мулея, и он отвечал мне, что это он сам. Я спросил у него совета, что мне сделать с мертвецами и как мне взяться за дело, чтобы снять их с корабля. Он отвечал мне, что люди на корабле, вероятно, заколдованы за какое-нибудь злодеяние относительно моря. Он думает, что колдовство будет разрушено, если принести их на землю, а это можно сделать только вырвав доски, на которых они лежат.

По всей правде и справедливости корабль вместе со всеми товарами принадлежит мне, потому что я, так сказать, нашел его, но я должен все держать в большой тайне и сделать ему от своего избытка маленький подарок. За это он своими рабами поможет мне убрать мертвецов. Я обещал щедро наградить его, и с пятью рабами, снабженными топорами и пилами, мы отправились в дорогу. По дороге волшебник Мулей очень хвалил нашу счастливую выдумку обертывать паруса изречениями Корана. Он сказал, что это было единственным средством нашего спасения.

Когда мы прибыли на корабль, было еще довольно рано. Мы все тотчас же принялись за дело, и через час в челноке уже лежали четыре трупа. Некоторые из рабов должны были отвезти их на землю, чтобы там зарыть их. Вернувшись, они рассказали, что мертвецы избавили от труда погребать их, рассыпавшись в пыль, как только их положили на землю. Мы продолжали отпиливать мертвецов, и до вечера все они были свезены на землю. Наконец на борту никого больше не было, кроме пригвожденного к мачте. Мы напрасно старались вытащить из дерева гвоздь, никакая сила не могла подвинуть его даже на волос. Я не знал, что делать – нельзя же было срубить мачту, чтобы отвезти ее на землю! Но в этом затруднении помог Мулей. Он быстро велел рабу съездить на берег и привезти горшок земли. Когда горшок был привезен, волшебник произнес над ним таинственные слова и высыпал землю на голову мертвеца. Последний тотчас открыл глаза и глубоко вздохнул, а на лбу из раны от гвоздя потекла кровь. Теперь мы легко вытащили гвоздь, и раненый упал на руки одного из рабов.

– Кто привез меня сюда? – спросил он, немного придя, по-видимому, в чувство.

Мулей указал на меня, и я подошел к нему.

– Благодарю тебя, неизвестный чужестранец, ты избавил меня от долгих мучений. Уже пятьдесят лет мое тело плавает по этим волнам, а моя душа была осуждена каждую ночь возвращаться в него. Но теперь моя голова коснулась земли, и я, примирившись, могу наконец пойти к своим отцам.

Я попросил его сказать все-таки нам, как он дошел до этого ужасного состояния, и он сказал:

– Пятьдесят лет тому назад я был могущественным, знатным человеком и жил в Алжире; страсть к наживе заставила меня снарядить корабль и заняться морским разбоем. Я продолжал это занятие уже много времени, и вот однажды на острове Занте я взял на корабль дerviша, который хотел ехать даром. Я и мои товарищи были грубыми людьми и не уважали святости этого человека; я даже насмеялся над ним. А когда он однажды, в святом рвении,

упрекнул меня моим грешным образом жизни, ночью в каюте, когда я со своим штурманом много выпил, – мною овладел гнев.

Взбешенный тем, что сказал мне дервиш и чего я не позволил бы сказать мне ни одному султану, я бросился на палубу И вонзил ему в грудь свой кинжал. Умирая, он проклял меня и мой экипаж, чтобы нам не умирать и не жить, до тех пор пока мы не положим своей головы на землю. Дервиш умер, мы выбросили его в море и осмеяли его угрозы. Но его слова исполнились еще в ту же ночь. Часть моего экипажа возмутилась против меня. Борьба шла со страшной яростью, пока мои приверженцы не погибли, а я не был пригвожден к мачте. Но и мятежники погибли от ран, и скоро мой корабль был только большой могилой. У меня тоже помутились глаза, остановилось дыхание. Я думал, что умру. Но это было только оцепенение, которое сковало меня. На следующую ночь, в тот самый час, когда мы бросили дервиша в море, я и все мои товарищи проснулись. Жизнь возвратилась к нам, но мы могли делать и говорить только то, что говорили и делали в ту ночь. Так мы плаваем уже пятьдесят лет, не можем ни жить ни умереть; в самом деле, как мы могли достигнуть земли? С безумной радостью мы всегда плыли на всех парусах в бурю, надеясь разбиться наконец об утес и сложить усталую голову на дне моря. Это нам не удавалось. Но теперь я умру. Еще раз благодарю тебя, неведомый спаситель! Если сокровища могут наградить тебя, то в знак благодарности возьми мой корабль!

Сказав это, капитан склонил свою голову и умер. И он, как и его товарищи, тотчас же рассыпался в пыль. Мы собрали ее в ящичек и зарыли на берегу, а из города я взял работников, которые привели мой корабль в хорошее состояние.

С большой выгодой обменяв товары, бывшие у меня на корабле, на другие, я нанял матросов, щедро одарил своего друга Мулея и отплыл в свое отечество. Но я сделал крюк, приставая ко многим островам и странам и вынося свои товары на рынок. Пророк благословил мое предприятие. Спустя три четверти года я приехал в Бальсору вдвое богаче, чем сделал меня умерший капитан. Мои сограждане были изумлены моими богатствами и моим счастьем и не сомневались в том, что я нашел алмазную долину знаменитого путешественника Синдбада. Я оставил их в этой уверенности, но с этих пор молодые люди Бальсоры, едва достигнув восемнадцати лет, должны были отправляться по свету, чтобы подобно мне составить свое счастье. А я живу спокойно и мирно и каждые пять лет совершаю путешествие в Мекку, чтобы в святом месте благодарить Аллаха за его благословение и просить за капитана и его людей, чтобы Он принял их в свой рай.

На другой день путь каравана продолжался без задержки. Когда купцы отдохнули на привале, незнакомец Селим заговорил с Мулеем, самым младшим из купцов:

– Вы, конечно, самый молодой из нас, но вы всегда веселы и наверно знаете какую-нибудь хорошую, забавную повесть. Расскажите ее, чтобы после дневного зноя она оживила нас!

– Я, пожалуй, рассказал бы вам что-нибудь, – отвечал Мулей, – что могло бы позабавить вас, но юности во всем подобает скромность, поэтому мои старшие спутники должны иметь преимущество. Цалейкос всегда так угрюм и замкнут – не расскажет ли он нам, что сделало его жизнь такой суровой? Может быть, мы в состоянии облегчить его горе, если оно есть у него. Ведь мы охотно служим своему брату, даже если он другой веры.

Названный Мулеем человек был греческим купцом средних лет, красивым и сильным, но очень угрюмым. Хотя он был неверным, то есть не мусульманином, однако его спутники любили его, потому что он всем своим поведением внушал им уважение и доверие. У него была, впрочем, только одна рука, и некоторые из его товарищей предполагали, что, может быть, потеря руки делает его таким угрюмым.

На откровенный вопрос Мулея Цалейкос отвечал:

– Я очень польщен вашим доверием. У меня нет никакого горя, по крайней мере такого, в котором вы, даже при лучшем желании, можете помочь мне. Но так как Мулей, кажется, упрекает меня в угрюмости, то я кое-что расскажу вам, что должно оправдать меня, если я

кажусь угрюмее других. Вы видите, что я потерял левую руку. Ее нет у меня не от рождения, я лишился ее в самые ужасные дни своей жизни. Есть ли у меня причина быть со времени тех дней угрюмее, чем это следует в моем положении, или я не прав, – вы можете судить.

Рассказ об отрубленной руке

Родился я в Константинополе, мой отец был драгоманом² при Порте и вел, кроме того, довольно выгодную торговлю благовонными эссенциями и шелковыми материями. Он дал мне хорошее воспитание, частью сам обучая меня, частью отдав меня для обучения одному нашему священнику. Сначала он рассчитывал передать мне со временем свою лавку, но когда я стал оказывать большие способности, чем он ожидал, то по совету своих друзей он решил сделать меня лекарем, так как лекарь, если он научился чему-нибудь большему, чем обыкновенные шарлатаны, может в Константинополе составить себе счастье. В наш дом ходили многие франки³. Один из них уговорил моего отца отпустить меня в его отечество, в город Париж, где таким вещам можно научиться даром и всего лучше. Он обещал, что сам даром возьмет меня с собой, когда поедет туда. Мой отец, который в молодости тоже путешествовал, согласился, и франк сказал мне, что я могу в течение трех месяцев готовиться к отъезду. Я был вне себя от радости, что увижу незнакомые страны, и не мог дожидаться той минуты, когда мы сядем на корабль.

Наконец франк устроил свои дела и стал готовиться в путь. Накануне отъезда отец повел меня в свою спальню. Там я увидел прекрасные одежды и оружие, лежавшие на столе. Но что еще более привлекло мои взоры, это большая куча золота, потому что я никогда еще не видал его так много.

Отец обнял меня и сказал:

– Вот, сынок, я приготовил тебе для путешествия одежду. Это оружие твое; оно то самое, которое повесил на меня твой дед, когда я уезжал на чужбину. Я знаю, что ты умеешь владеть им, но никогда не употребляй его, кроме как при нападении, а тогда уж бей сильно! Мое состояние невелико и я разделил его на три части: одна из них – твоя, вторая пусть будет моим содержанием и обеспечением на черный день, а третья пусть будет священным и неприкосновенным достоянием, пусть она послужит тебе в трудную минуту!

Так сказал мой старый отец, и на глазах у него повисли слезы, может быть вследствие предчувствия, потому что я его никогда уж не видал.

Путешествие прошло благополучно. Скоро мы прибыли в страну франков и спустя шесть дней приехали в большой город Париж. Здесь мой франкский друг нанял мне комнату и посоветовал мне осторожно тратить деньги; всего их было две тысячи талеров. Я прожил в этом городе три года и научился тому, что должен знать дельный лекарь, но мне пришлось бы солгать, если сказать, что мне было приятно там, потому что нравы этого народа мне не нравились. К тому же у меня там было лишь немного хороших друзей, но все это были благородные молодые люди.

Моя тоска по родине становилась все сильнее. За все это время я ничего не слышал о своем отце и поэтому воспользовался благоприятным случаем приехать домой.

Из страны франков отправлялось к Высокой Порте посольство. Я нанялся лекарем в свиту посла и счастливо опять приехал в Стамбул. Но отцовский дом я нашел запертым, а соседи, увидев меня, изумились и сказали мне, что мой отец умер два месяца тому назад. Тот священник, который обучал меня в молодости, принес мне ключ. Я вступил в опустевший дом одиноким и покинутым и все нашел еще так, как оставил мой отец. Недоставало только золота, которое он обещал оставить мне. Я спросил об этом священника, и он поклонившись сказал:

– Ваш отец умер святым человеком, ведь свое золото он завещал церкви!

² Драгоман – переводчик при посольстве.

³ Так на Востоке называют французов, а иногда и вообще всех жителей Западной Европы.

Это было и осталось непонятным для меня, но что мне было делать! Я не имел никаких свидетелей против священника и должен был радоваться, что он не взглянул на отцовский дом и товары, как на завещанное. Это было первым несчастьем, постигшим меня. Но с этих пор удар следовал за ударом. Моя слава как лекаря совсем не распространялась, потому что я стыдился зазывать к себе и везде мне недоставало рекомендации моего отца. Он ввел бы меня к самым богатым и знатным, которые теперь уж не думали о бедном Цалейкосе. Увы, товары моего отца не находили сбыта, потому что покупатели после его смерти разбрелись, а новые приобретаются только медленно.

Когда я однажды безутешно размышлял о своем положении, мне пришло в голову, что у франков я часто видал людей нашего народа, которые проезжали по стране и на городских рынках выставляли свои товары. Я вспомнил, что у них охотно покупали, потому что они приезжали из чужих краев, и что при такой торговле можно наживать во сто раз. Тотчас же было принято решение. Я продал свой отцовский дом, отдал часть вырученных денег испытанному другу на сохранение, а на остальные купил то, что у франков редко встречается: шали, шелковые материи, мази и масла. Я купил на корабле место и таким образом предпринял второе путешествие в страну франков.

Счастье, казалось, опять стало благосклонно ко мне, лишь только дворцы Дарданелл остались позади меня. Наше путешествие было коротко и благополучно. Я проехал большие и малые города франков и везде находил усердных покупателей на свои товары. Мой друг в Стамбуле снова присылал мне всегда свежие запасы, и я день ото дня становился зажиточнее. Когда я наконец скопил столько, что счел возможным решиться на большее предприятие, я поехал со своими товарами в Италию. Но я должен еще кое в чем признаться, что приносило мне тоже немало денег: я помогал себе и своим врачебным искусством. Когда я приезжал в какой-нибудь город, я извещал объявлением, что прибыл греческий врач, который уже многих исцелил. Действительно, мой бальзам и мои лекарства приносили мне много цехинов.

Так я приехал наконец в город Флоренцию в Италии. Я собирался остаться в этом городе подольше, частью потому что он мне очень понравился, частью также потому что хотел отдохнуть от трудов своего скитания. В квартале Санта Кроче я нанял себе лавку, а недалеко от нее, в одной гостинице, две прекрасные комнаты, выходившие на балкон, и тотчас же велел разнести свои объявления, извещавшие обо мне как о враче и купце. Едва я открыл лавку, как стали стекаться многочисленные покупатели, и хотя у меня были немного высокие цены, однако я продавал больше других, потому что был услужлив и любезен с покупателями.

Я с удовольствием прожил во Флоренции уже четыре дня, как однажды вечером, когда я уже хотел запирать лавку и только по обыкновению еще раз решил осмотреть запасы мази в банках, я в одной маленькой банке нашел записку, которой, как припоминал, не клал туда. Я развернул записку и нашел в ней приглашение явиться в эту ночь, ровно в двенадцать часов, на мост, который называется Ponte Vecchio⁴. Я долго раздумывал о том, кто же это мог быть, кто приглашал меня туда. Но так как я не знал во Флоренции ни одной души, то подумал, что меня хотят, может быть, тайно привести к какому-нибудь больному, что уже часто случалось. Поэтому я решил пойти туда, но из предосторожности надел саблю, которую мне некогда подарил отец.

Когда время подходило близко к полуночи, я отправился в путь и скоро пришел на Ponte Vecchio. Я нашел мост покинутым и пустынным и решил ждать, пока не явится тот, кто звал меня. Ночь была холодная; светила ясная луна, и я стал смотреть вниз на волны Арно, далеко блиставшие при лунном свете. Вот на городских церквях пробило двенадцать часов. Я выпрямился – передо мной стоял высокий человек, совершенно закутанный в красный плащ, край которого он держал перед лицом.

⁴ Старый Мост (*ит.*).

Я сначала немного испугался, потому что он так внезапно возник передо мной, но тотчас же опять успокоился и сказал:

– Если вы призывали меня сюда, то говорите, что вам угодно!

Красный Плащ повернулся и медленно сказал:

– Следуй за мной!

Мне стало немного жутко одному идти с этим незнакомцем. Я остановился и сказал:

– О нет, любезный, не угодно ли вам прежде сказать мне куда; нельзя ли вам также немного показать мне свое лицо, чтобы мне видеть – добро ли вы замышляете со мной.

Но Красный Плащ, по-видимому, не обратил на это внимания.

– Если ты не хочешь, Цалейкос, то оставайся! – отвечал он и пошел дальше.

Тогда я вспыхнул и с гневом воскликнул:

– Вы думаете, что я позволю всякому дураку издеваться надо мной и буду напрасно ждать в эту холодную ночь!

В три прыжка я настиг его, схватил за плащ и закричал еще громче, положив другую руку на саблю. Но плащ остался у меня в руке, а незнакомец исчез за ближайшим углом. Мой гнев мало-помалу улегся. У меня был плащ, и он уж должен был дать мне ключ к этому удивительному приключению. Я надел его и пошел своей дорогой домой. Едва я отошел на сто шагов, как кто-то проскользнул близко от меня и прошептал на франкском языке:

– Берегитесь, граф, сегодня ночью совсем ничего нельзя сделать.

Но прежде чем я мог оглянуться, этот неизвестный уже пробежал, и я увидел только тень, скользившую по домам. Я понял, что это восклицание относилось к плащу, а не ко мне, однако и оно не объяснило мне дела.

На другое утро я стал обдумывать что делать. Сначала я намеревался объявить о плаще, как будто я его нашел; но незнакомец мог получить его через третье лицо, и дело тогда не разъяснилось бы. Раздумывая об этом, я стал ближе осматривать плащ. Он был из тяжелого генуэзского бархата пурпурно-красного цвета, оторочен мехом и богато вышит золотом. Великолепный вид плаща навел меня на одну мысль, которую я и решил исполнить.

Я принес его в лавку и выставил на продажу, но назначил за него очень высокую цену. Я был уверен, что не найду покупателя. При этом моею целью было пристально оглядывать каждого, кто спросит этот мех; ведь я среди тысяч узнал бы наружность незнакомца, которую после потери плаща видел хотя лишь мельком, но ясно. Находилось много охотников купить плащ, необыкновенная красота которого привлекала к себе все взоры, но ни один даже отдаленно не походил на незнакомца и ни один не хотел заплатить за плащ высокую цену в двести цехинов. При этом меня поражало, что на мои вопросы тому или другому покупателю, неужели во Флоренции нет другого такого плаща, все отвечали «нет» и уверяли, что никогда не видели такой дорогой и со вкусом сделанной работы.

Наступил уже вечер, когда наконец пришел молодой человек, уже часто бывавший у меня и даже сегодня много предлагавший за плащ. Он бросил на стол кошелек с цехинами и воскликнул:

– Ей-богу, Цалейкос, я должен иметь твой плащ, хотя бы из-за этого мне пришлось сделаться нищим!

В то же время он начал пересчитывать свои золотые. Я был в большом затруднении, ведь я вывесил плащ только затем, чтобы, может быть, привлечь к нему взоры своего незнакомца, а теперь явился молодой глупец, чтобы заплатить огромную цену. Но что мне оставалось делать? Я уступил, потому что, с другой стороны, мне была приятна мысль так хорошо вознаградить себя за ночное приключение. Юноша надел плащ и пошел, но на пороге он опять обернулся, сорвал бумагу, прикрепленную к плащу, бросил ее мне и сказал:

– Здесь, Цалейкос, что-то висит, что, вероятно, не относится к плащу.

Я равнодушно взял записку, но в ней было написано:

«Сегодня ночью, в известный час, принеси плащ на Ponte Vecchio. Тебя ожидают четвереста цехинов!»

Я стоял как пораженный громом. Итак, я сам потерял свое счастье и совсем не достиг своей цели! Недолго раздумывая я быстро схватил двести цехинов, бросился за тем, кто купил плащ, и сказал:

– Возьмите свои цехины назад, любезный друг, и оставьте мне плащ, мне никак нельзя отдать его.

Сначала он счел это за шутку. Когда же он заметил, что это серьезно, то возмущился моим требованием, обругал меня дураком, и вот дело дошло наконец до драки. Но я был так счаст-

лив, что в драке сорвал с него плащ и уже хотел убежать с ним, когда молодой человек позвал на помощь полицию и потащил меня с собою в суд. Судья был очень изумлен его жалобой и присудил плащ моему противнику. Но я стал предлагать юноше двадцать, пятьдесят, восемьдесят, даже сто цехинов сверх его двухсот, если он отдаст мне плащ. Чего не могли сделать мои просьбы, то сделало мое золото. Он взял мои цехины, а я торжествуя ушел с плащом и должен был допустить, чтобы меня во всей Флоренции сочли за помешанного. Но мнение людей мне было совершенно безразлично, ведь я лучше их знал, что еще наживу на этой торговле.

Я с нетерпением ожидал ночи. В то же самое время, как вчера, я пошел, с плащом под мышкой, на Ponte Vecchio. С последним ударом колокола ко мне из мрака подошла какая-то фигура. Это, несомненно, был вчерашний человек.

– У тебя плащ? – спросил он меня.

– Да, господин, – отвечал я, – но он стоил мне сто цехинов наличными.

– Я знаю это, – спокойно сказал он, – смотри, здесь четыреста.

Он подошел со мной к широким перилам моста и стал отсчитывать золотые. Их было четыреста, они великолепно блестели при лунном свете, и их блеск радовал мое сердце.

Увы! Оно не предчувствовало, что это будет его последней радостью. Я сунул деньги в карман и затем хотел хорошенько разглядеть и доброго незнакомца, но у него на лице была маска, из-под которой на меня страшно сверкали темные глаза.

– Благодарю вас, господин, за вашу доброту, – сказал я ему, – чего вы теперь потребуете от меня? Но я вам заранее говорю, что это не должно быть чем-нибудь незаконным.

– Излишняя забота, – отвечал он, накинув плащ на плечи. – Мне нужна ваша помощь как врача, но не для живого, а для мертвого.

– Как это может быть? – воскликнул я с огромным удивлением.

– Я с сестрой приехал из далеких стран, – начал он рассказывать и в то же время сделал мне знак следовать за ним. – Здесь я жил с ней у одного друга моего дома. Вчера моя сестра скоропостижно умерла от болезни, и родственники хотят завтра похоронить ее. Но по старинному обычаю нашей семьи все должны покоиться в могиле отцов; многие, умершие в чужой стране, все-таки были забальзамированы и покоятся там. Поэтому ее тело я отдаю своим родственникам, а отцу должен привезти по крайней мере голову его дочери, чтобы ему еще раз взглянуть на нее.

Хотя этот обычай отрезать головы любимых родственников показался мне немного ужасным, но из опасения оскорбить незнакомца я ничего не решился возразить на это. Поэтому я сказал ему, что хорошо знаком с бальзамированием мертвых, и попросил его вести меня к умершей. Однако я не мог удержаться, чтобы не спросить, почему же все это должно произойти так таинственно и ночью. Он отвечал мне, что его родственники, которые считают его намерение ужасным, днем ни за что не допустили бы этого, но раз голова будет отнята, им ничего уж нельзя будет сказать. Он, конечно, мог бы принести мне голову, но естественное чувство удерживает его самому отнять ее.

Между тем мы подошли к большому, великолепному дому. Мой спутник указал мне на него, как на цель нашей ночной прогулки. Мы прошли мимо главных ворот дома, вошли в маленькую калитку, которую незнакомец тщательно затворил за собой, и затем в темноте стали подниматься по узкой винтовой лестнице. Она вела в слабо освещенный коридор; из него мы прошли в комнату, освещенную висевшей на потолке лампой.

В этой комнате стояла кровать, на которой лежал труп. Незнакомец отвернул лицо и хотел, по-видимому, скрыть слезы. Он указал на кровать, велел мне хорошо и скоро исполнить свое дело и опять вышел за дверь.

Я вынул нож, который, как врач, всегда носил при себе, и приблизился к кровати. От трупа была видна только голова, но она была так прекрасна, что мною невольно овладело искреннее сожаление. Темные волосы спускались длинными косами, лицо было бледно, глаза

закрыты. Сперва я сделал на коже надрез, как это делают врачи, когда отрезают какой-нибудь член. Потом взял самый острый нож и одним взмахом перерезал горло. Но какой ужас! Покойница открыла глаза и тотчас же опять закрыла – она, по-видимому, только теперь с глубоким вздохом испустила дух. В то же время на меня из раны брызнула струя теплой крови. Я убедился, что умертвил несчастную. Ведь было несомненно, что она умерла, так как от этой раны нет спасения. Несколько минут я стоял в страхе, смущенный происшедшим. Обманул ли меня Красный Плащ или, может быть, сестра была только в летаргическом сне? Последнее казалось мне вероятнее. Но я не смел сказать брату умершей, что, может быть, менее быстрый надрез разбудил бы ее не умерщвляя, и поэтому хотел совершенно отделить голову; но умирающая простонала еще раз, с болезненным движением вытянулась и умерла. Тогда мною овладел ужас и дрожа от него я бросился из комнаты. Но в коридоре было темно, потому что лампа была погашена. От моего спутника уж не было и следов, и я должен был в темноте наугад пробираться около стены, чтобы дойти до лестницы. Наконец я нашел ее и то падая, то скользя спустился вниз. И внизу никого не было, дверь была только притворена. Я вздохнул свободнее, когда оказался на улице, – ведь в доме мне стало совсем страшно. Пришпориваемый страхом, я побежал в свое жилище и зарылся в подушки постели, чтобы забыть то ужасное, что я сделал. Но сон бежал от меня и только утром я опять приободрился и успокоился. Мне казалось невероятным, что человек, склонивший меня на этот нечестивый поступок, каким он представлялся мне теперь, выдаст меня. Я решил тотчас же идти в лавку к своему делу и принять, насколько возможно, беззаботный вид. Но увы! Новое обстоятельство, которое я только теперь заметил, еще увеличило мое горе.

У меня не хватало шапки и пояса, а также ножа. Я не знал наверно, оставил ли я их в комнате убитой или же потерял во время своего бегства. К сожалению, первое казалось мне более вероятным и, следовательно, меня, убийцу, могли найти.

В обычное время я открыл свою лавку. Ко мне подошел мой сосед, как он обыкновенно делал это каждое утро, потому что был разговорчивым человеком.

– Эй, что вы скажете об ужасном происшествии, – начал он, – случившемся сегодня ночью?

Я сделал вид, будто ничего не знаю.

– Как, неужели вы не знаете того, чем занят весь город? Не знаете, что прекраснейший цветок Флоренции, дочь губернатора Бианка убита в эту ночь? Ах, я видел, как еще вчера она такой веселой проезжала со своим женихом по улицам; ведь сегодня у них была бы свадьба!

Каждое слово соседа кололо меня в сердце. И как часто повторялась моя пытка – ведь каждый покупатель рассказывал мне это происшествие и всегда один ужаснее другого, однако никто не мог рассказать так ужасно, как я сам видел. Около полудня в лавку вошел полицейский и попросил меня удалить людей.

– Синьор Цалейкос, – сказал он, вынимая вещи, которых я хватился, – эти вещи вам принадлежат?

Я подумал, не отречься ли мне от них; но увидев через полуоткрытую дверь своего хозяина и нескольких знакомых, которые могли, пожалуй, свидетельствовать против меня, я решил не ухудшать дела еще ложью и признал показанные мне вещи. Полицейский попросил меня следовать за ним и привел меня в большое здание, в котором я скоро узнал тюрьму. Там он указал мне место заключения до суда.

Мое положение было ужасно, когда я в уединении стал раздумывать о нем. Мысль, что я убил, хотя и невольно, все возвращалась. При этом я не мог скрыть от себя, что блеск золота омрачил мои чувства: иначе я не мог бы так слепо пойти в ловушку. Через два часа после ареста меня вывели из тюрьмы. Мы спустились по нескольким лестницам и затем пришли в большую залу. Там около длинного стола, покрытого черным сукном, сидели двенадцать человек, большей частью старики. По бокам залы возвышались скамьи, наполненные знатнейшими

лицами Флоренции. На галереях, пристроенных вверх, густой толпой стояли зрители. Когда я подошел к черному столу, поднялся человек с мрачным, печальным лицом. Это был губернатор. Он сказал собравшимся, что, как отец, он не может судить в этом деле и на этот раз уступает свое место старейшему из сенаторов. Старейший из сенаторов был по крайней мере девяноста лет. Он стоял сгорбившись, его виски были покрыты тонкими белыми волосами, но глаза еще пылали огнем, а голос был силен и тверд. Он стал спрашивать меня, сознаюсь ли я в убийстве. Я попросил его выслушать меня и без страха и внятным голосом рассказал то, что сделал и что знал. Я заметил, что губернатор во время моего рассказа то бледнел, то краснел, а когда я кончил, он с бешенством вскочил.

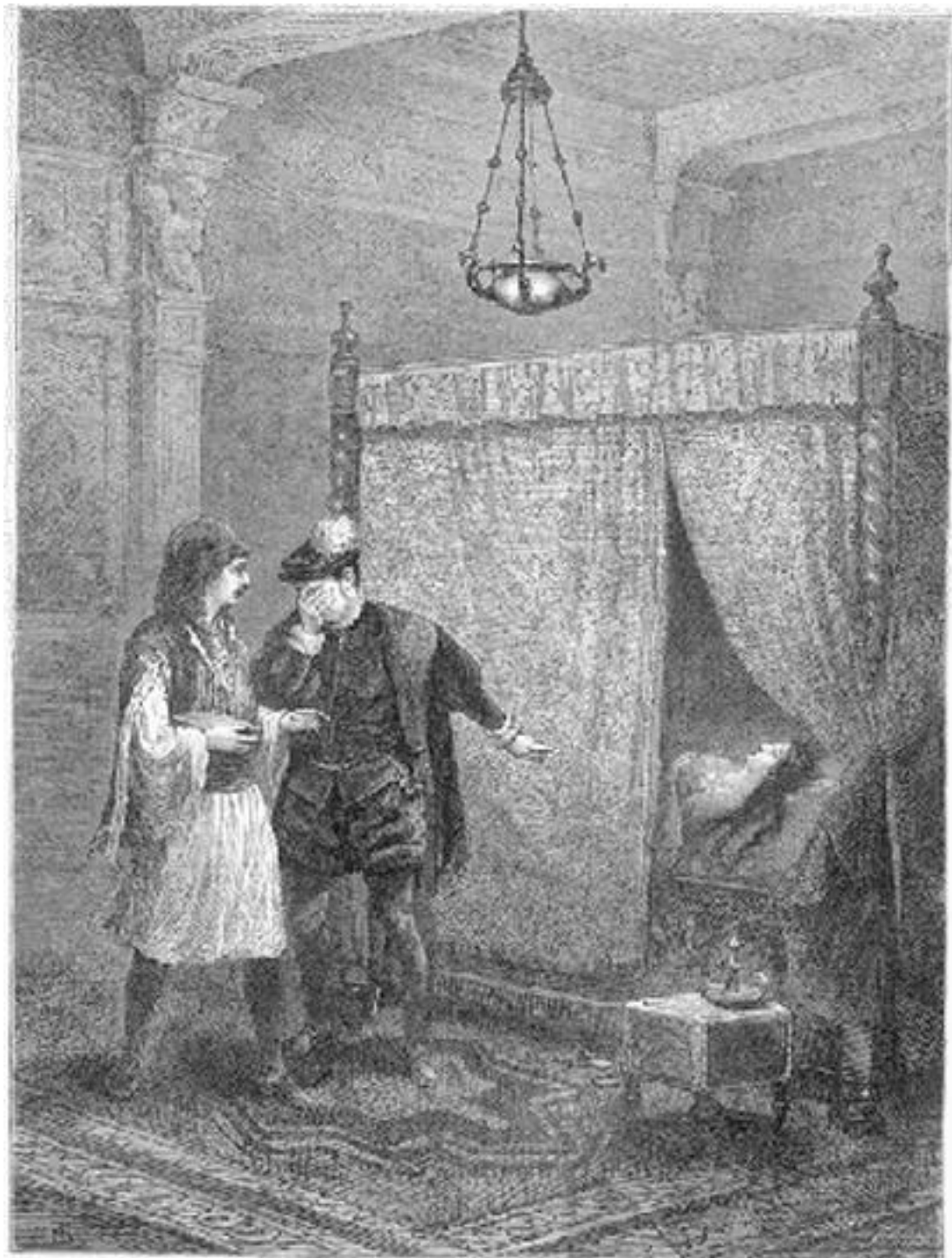
– Как, несчастный! – крикнул он мне. – Так ты еще хочешь свалить на другого преступление, которое совершил из алчности?

Сенатор упрекнул его за это вмешательство, так как он добровольно отказался от своего права. Притом совсем не доказано, что я совершил злодеяние из алчности, ведь и по его собственному показанию у убитой ничего не было украдено. Мало того, сенатор пошел еще дальше. Он объявил губернатору, что он должен дать отчет о прежней жизни своей дочери; ведь только таким образом можно решить, правду ли я сказал или нет. Вместе с тем он на сегодня отменил суд, чтобы познакомиться, как он сказал, с бумагами умершей, которые ему передаст губернатор. Я был опять отведен в тюрьму, где печально провел день, весь поглощенный горячим желанием, чтобы открылась хоть какая-нибудь связь между умершей и таинственным Красным Плащом.

На другой день я с надеждой вошел в зал суда. На столе лежали несколько писем. Старый сенатор спросил меня, мой ли это почерк. Я посмотрел на письма и нашел, что они, должно быть, написаны той же рукой, как те две записки, которые я получил. Я высказал это сенаторам, но они, по-видимому, не обратили на это внимания и отвечали, что я мог написать и, должно быть, написал то и другое, потому что подпись на письмах, несомненно, Ц, начальная буква моего имени. А письма содержали угрозы умершей и всячески предостерегали ее от свадьбы, к которой она готовилась.

По-видимому, губернатор дал странные объяснения относительно моей личности, потому что с этого дня со мной стали обращаться недоверчивее и строже. В свое оправдание я сослался на бумаги, которые должны оказаться в моей комнате, но мне сказали, что там искали и ничего не нашли. Таким образом, в конце этого судебного дня у меня исчезла всякая надежда, и когда я на третий день был опять приведен в зал суда, мне прочли приговор, по которому я, уличенный в умышленном убийстве, был присужден к смерти.

Так вот до чего я дошел! Покинутый всем, что мне было еще дорого на земле, вдали от родины, я во цвете лет должен был невинно умереть под топором!

Вечером этого ужасного дня, решившего мою участь, я одиноко сидел в тюрьме. Мои надежды погибли, мои грустные мысли были обращены к смерти. Вдруг дверь моей тюрьмы отворилась, и вошел человек, который долго молча смотрел на меня.

– Так я опять встречаю тебя, Цалейкос? – сказал он.

При тусклом свете своей лампы я не узнал его, но звук его голоса пробудил во мне старые воспоминания. Это был Валетти, один из тех немногих друзей, которых я знал в городе Париже во время своих занятий. Он сказал, что случайно приехал во Флоренцию, где его отец живет знатным человеком, услышал о моей истории и пришел, чтобы еще раз увидеть меня и от меня самого узнать, как я мог так тяжело провиниться. Я рассказал ему всю историю. Он, казалось,

очень удивился ей и заклинал меня все сказать ему, своему единственному другу, и не покидать этот свет с ложью.

Я поклялся ему самой дорогой для меня клятвой, что сказал правду и что надо мной не тяготеет никакой другой вины, кроме той, что, ослепленный блеском золота, я не постиг неправдоподобности рассказа незнакомца.

– Так ты не знал Бианки? – спросил он.

Я уверял его, что никогда не видел ее. Тогда Валетти стал рассказывать мне, что в этом деле есть глубокая тайна, что губернатор очень поспешно произнес надо мной приговор, а в народе появился слух, что я уже давно знал Бианку и умертвил ее из мести за ее брак с другим. Я заметил ему, что все это соответствует Красному Плащу, но я ничем не могу доказать его участие в этом деле. Валетти рыдая обнял меня и обещал мне сделать все, чтобы по крайней мере спасти мою жизнь. У меня было мало надежды, но я знал, что Валетти умный и сведущий в законах человек и что он сделает все, чтобы спасти меня.

Два долгих дня я был в неизвестности. Наконец явился и Валетти.

– Я приношу утешение, хотя и печальное. Ты будешь жив и будешь свободен, но потеряешь руку.

Тронутый этим, я благодарил друга за свою жизнь. Он сказал мне, что губернатор был неумолим и не позволил снова расследовать дело, но чтобы не показаться несправедливым, он согласился наконец сообразовать мое наказание с наказанием, постановленным в книгах флорентийской истории, если в них найдется подобный случай. Тогда Валетти и его отец стали день и ночь читать старые книги и наконец нашли случай, вполне подобный моему. В книгах приговор гласит: ему должно отрубить левую руку, отобрать его имущество, а самого его навсегда изгнать. Таково теперь и мое наказание, и я должен готовиться к тому мучительному часу, который ожидает меня.

Я не стану изображать вам этот ужасный час, когда я на открытой площади положил на плаху свою руку, когда моя собственная кровь ручьем полилась на меня!

Валетти принял меня в свой дом, пока я не выздоровел, а потом великодушно снабдил меня деньгами на дорогу; ведь все, что я приобрел себе с таким трудом, стало добычей суда. Из Флоренции я поехал на Сицилию, а оттуда с первым кораблем, который застал, в Константинополь. Мои надежды были обращены на ту сумму, которую я передал своему другу, причем я просил его позволить мне жить у него. Как я изумился, когда он спросил меня, почему же я не еду в свой дом! Он сказал мне, что какой-то иностранец купил на мое имя дом в греческом квартале и при этом говорил соседям, что скоро и я сам приеду. Я тотчас же вместе с другом пошел туда и был с радостью принят всеми старыми знакомыми. Старый купец дал мне письмо, которое оставил у него человек, купивший для меня дом.

Я стал читать его:

«Цалейкос! Две руки готовы неутомимо хлопотать, чтобы ты не чувствовал потери одной! Дом, который ты видишь, и все, что есть в нем, – твое. Тебе ежегодно будут доставлять столько, что среди своего народа ты будешь принадлежать к богатым. Да простишь ты тому, кто несчастнее тебя!»

Я мог предполагать, кто написал это, а купец на мой вопрос сказал мне, что этого человека он принял за франка и что он был одет в красный плащ. Я узнал достаточно и сознался, что незнакомец, должно быть, не вполне все-таки лишен благородства. В моем новом доме все было устроено наилучшим образом, даже был подвал с лучшими товарами, чем я когда-либо имел. С тех пор прошло десять лет; больше по старой привычке, чем по необходимости, я продолжаю свои торговые поездки, но той страны, где я стал таким несчастным, я никогда уж не видал. С тех пор я каждый год получал тысячу золотых; но хотя мне и отрадно сознавать,

что тот несчастный благороден, однако он не может искупить скорбь моей души, потому что во мне вечно живет ужасный образ убитой Бианки.

Цалейкос, греческий купец, окончил свой рассказ. Остальные с большим участием слушали его; особенно, казалось, был тронут им незнакомец. Он несколько раз глубоко вздыхал, а Мулею показалось даже, что раз у него на глазах были слезы. Они еще долго беседовали об этой истории.

– И вы не проклинаете того неизвестного, который так гнусно лишил вас столь благородного члена вашего тела, который даже подверг опасности вашу жизнь? – спросил незнакомец.

– Конечно, прежде были минуты, – отвечал грек, – когда мое сердце обвиняло его перед Богом, за то что он навлек на меня это горе и отравил мою жизнь, но я находил утешение в вере отцов, а она повелевает мне любить своих врагов; притом он, может быть, еще несчастнее меня.

– Вы благородный человек! – воскликнул тронутый незнакомец и пожал греку руку.

Но начальник стражи прервал их беседу. Он с озабоченным видом вошел в палатку и сообщил, что здесь не следует отдыхать, потому что в этом месте караваны обыкновенно подвергаются нападению и его стражам даже кажется, что вдали видны несколько всадников.

Купцы были очень смущены этим известием, а незнакомец Селим удивился их смущению, заметив, что при такой хорошей защите им нечего бояться шайки разбойничьих арабов.

– Да, господин, – возразил ему начальник стражи. – Если бы это был только такой сброд, то можно было бы без опасения лечь отдохнуть, но с некоторого времени опять появимся страшный Орбазан, и поэтому следует быть осторожнее.

Незнакомец спросил, кто же этот Орбазан, и Ахмет, старый купец, отвечал ему:

– Среди народа существуют разные сказания об этом удивительном человеке. Одни считают его сверхчеловеческим существом, потому что он часто выдерживает борьбу с пятью-шестью воинами сразу, другие считают его храбрым франком, которого в эту страну привело несчастье; но прежде всего верно только то, что он проклятый разбойник и вор.

– Этого вы не можете утверждать, – возразил ему Леза, один из купцов. – Хотя он и разбойник, но он все-таки благородный человек. Таким он показал себя моему брату, и этот пример я мог бы рассказать вам. Всю свою шайку он сделал порядочными людьми, и пока он рыщет по пустыне, не смеет показаться никакая другая шайка. Притом он не грабит, как другие, а берет только деньги за охрану караванов, и кто добровольно заплатил ему, тот едет дальше благополучно, потому что Орбазан – господин пустыни.

Так говорили между собой в палатке путники, а стража, расставленная вокруг места привала, начала беспокоиться. На расстоянии получаса показалась довольно значительная кучка вооруженных всадников; они ехали, по-видимому, прямо к лагерю. Поэтому один из людей стражи пошел в палатку известить, что они, вероятно, подвергнутся нападению. Купцы стали совещаться между собой, что им делать: идти ли навстречу всадникам или подождать нападения.

Ахмет и двое старших купцов желали последнего, а пылкий Мулей и Цалейкос требовали первого и призывали к себе на помощь незнакомца. Он же спокойно вынул из-за пояса маленький голубой платок с красными звездами, привязал его к копыю и велел одному из рабов воткнуть копьё над палаткой. Он ручается своей жизнью, говорил он, что, увидев этот знак, всадники спокойно проедут мимо. Мулей не верил в успех, но раб воткнул копьё над палаткой. Между тем все находившиеся в лагере взяли за оружие и с напряженным ожиданием смотрели на всадников. Но последние заметили, по-видимому, знак над палаткой; они сразу свернули со своего направления к лагерю и, сделав большой полукруг, пронеслись в сторону.

Удивленные путники несколько мгновений стояли и смотрели то на всадников, то на незнакомца. Последний совершенно равнодушно, как будто ничего не произошло, стоял перед палаткой и смотрел на равнину. Наконец Мулей прервал молчание.

– Кто ты, могущественный незнакомец, – воскликнул он, – ты, который знаком укрощает дикие орды пустыни?

– Вы считаете мое искусство выше, чем оно есть, – отвечал Селим Барух. – Я запасся этим знаком, когда убежал из плена, а что он должен показывать – я сам не знаю. Я знаю только то, что путешествующий с этим знаком находится под могущественной защитой.

Купцы благодарили незнакомца и называли его своим спасителем. Действительно, число всадников было так велико, что караван, вероятно, не смог бы оказать сопротивление.

Теперь они с облегченным сердцем улеглись отдыхать; когда же солнце стало заходить и по песчаной равнине пронесся вечерний ветер, они выступили в путь и поехали дальше.

На следующий день они сделали привал на расстоянии приблизительно только одного дня пути от конца пустыни. Когда путники опять собрались в большой палатке, купец Леза заговорил:

– Я вчера сказал вам, что страшный Орбазан – благородный человек; позвольте мне сегодня доказать вам это рассказом о приключениях моего брата. Мой отец был кади⁵ в Акаре. У него были трое детей. Я был самым старшим, брат и сестра было гораздо моложе меня. Когда мне было двадцать лет, брат моего отца призвал меня к себе. Он назначил меня наследником своего имущества с условием, чтобы я оставался при нем до его смерти. Но он достиг глубокой старости, так что я только два года тому назад вернулся на родину и ничего не знал о том, какая ужасная судьба постигла мой дом и как милостивый Аллах отвратил ее.

⁵ Кади – судья.

Спасение Фатьмы

Мой брат Мустафа и моя сестра Фатьма были почти одинакового возраста. Брат был старше самое большее двумя годами. Они искренне любили друг друга и вместе содействовали всему, что могло облегчить нашему болезненному отцу тяжесть его старости. Когда Фатьме исполнилось шестнадцать лет, брат в день ее рождения устроил празднество. Он пригласил всех ее подруг, угостил их в отцовском саду изысканными кушаньями, а когда наступил вечер, пригласил их немного проехаться по морю на лодке, которую он нанял и по-праздничному украсил. Фатьма и ее подружки с радостью согласились, потому что вечер был прекрасный, и город, особенно вечером, если смотреть с моря, представлял великолепный вид. Но девушкам так понравилось в лодке, что они уговаривали моего брата ехать все дальше в море. Мустафа же неохотно соглашался, потому что несколько дней тому назад показался разбойничий корабль.

Недалеко от города в море выдавался мыс. Девушки захотели проехать и туда, чтобы посмотреть оттуда закат солнца в море. Огибая мыс, они на незначительном расстоянии от себя увидели лодку, занятую вооруженными людьми. Не предчувствуя ничего хорошего, мой брат велел гребцам повернуть свое судно и грести к берегу. Действительно, его опасение, по-видимому, подтверждалось, потому что та лодка быстро последовала за лодкой моего брата, обогнала ее, так как на ней было больше гребцов, и все время держалась между берегом и нашей лодкой. Осознав опасность, в которой они находились, девушки стали вскакивать, кричать и плакать. Мустафа напрасно старался успокоить их, напрасно уговаривал их сидеть смирно, потому что своей беготней взад и вперед они подвергали лодку опасности опрокинуться. Ничто не помогало, и когда они наконец, при приближении другой лодки, все бросились на заднюю сторону судна, оно опрокинулось. А между тем с берега наблюдали за движениями незнакомой лодки, и так как уже некоторое время опасались корсаров, то это судно возбудило подозрение и несколько лодок отчалили от берега на защиту нашей лодки. Но они прибыли только-только вовремя, чтобы подобрать утопавших. В суматохе неприятельское судно ускользнуло, а на обеих лодках, которые приняли спасенных, было неизвестно, все ли спасены. Сошлись и – увы! Оказалось, что моей сестры и одной из ее подруг не было; но в то же время в одной из лодок заметили какого-то неизвестного человека. На угрозы Мустафы он признался, что принадлежит к неприятельскому кораблю, который стоит на якоре в двух милях к востоку, и что его товарищи во время своего поспешного бегства покинули его, когда он собирался помогать вытаскивать из воды девушек. Он сказал также, что видел, как двух из девушек втащили на корабль.

Скорбь моего старого отца была безгранична, но и Мустафа был до смерти огорчен, не только потому что пропала его любимая сестра и что в ее несчастье он обвинял себя, – та подружка Фатьмы, которая разделила ее несчастье, была своими родителями обещана ему в супруги, и только нашему отцу он еще не смел признаться в этом, потому что ее родители были бедны и низкого происхождения. А мой отец был строгий человек. Когда его скорбь немного улеглась, он позвал к себе Мустафу и сказал ему:

– Твоя глупость лишила меня утешения моей старости и радости моих очей. Уходи, я навеки прогоняю тебя с глаз долой. Я проклинаю тебя и твоих потомков, и только когда ты возвратишь мне Фатьму, я сниму с твоей головы отцовское проклятие!

Этого мой бедный брат не ожидал; он уже раньше решил отыскать свою сестру и ее подружку и только хотел испросить себе для этого благословения отца, а теперь отец посылал его по свету с проклятием. Но если прежде горе удручало его, то теперь его мужество только укрепило то полное несчастье, которого он не заслуживал.

Он пошел к пленному морскому разбойнику, расспросил его, куда лежал путь его корабля, и узнал, что разбойники вели торговлю рабами и обыкновенно много торговали в Бальсоре.

Когда он вернулся домой, чтобы приготовиться в путь, гнев отца, по-видимому, немного прошел, потому что он прислал сыну кошелек с золотом для поддержки во время пути. Мустафа плача простился с родителями Зораиды – так звали его похищенную невесту – и отправился в Бальсору.

Мустафа поехал сухим путем, потому что из нашего маленького города в Бальсору совсем не ходили корабли. Поэтому он должен был проезжать в день очень много, чтобы прибыть в Бальсору вскоре после морских разбойников. Так как у него был добрый конь и не было никакой поклажи, то он мог надеяться достигнуть этого города в конце шестого дня. Но вечером на четвертый день, когда он совершенно один ехал своей дорогой, на него вдруг напали три человека. Заметив, что они хорошо вооружены и сильны и что они покушаются скорее на его жизнь, чем на деньги и коня, он крикнул им, что сдается. Они сошли с лошадей и связали ему ноги под брюхом его лошади, а самого его взяли в середину и, схватив поводья его коня, рысью поехали вместе с ним не говоря ни слова.

Мустафа предался немому отчаянию. Отцовское проклятие, по-видимому, уже теперь исполнялось над несчастным, и как он мог надеяться спасти свою сестру и Зораиду, если, лишенный всех средств, он мог употребить для их освобождения только свою жалкую жизнь. Проехав около часа Мустафа и его немые спутники свернули в небольшую долину. Долина была окаймлена высокими деревьями; мягкий темно-зеленый луг и ручей, протекавший посредине его, манили к отдыху. Действительно, Мустафа увидел пятнадцать – двадцать раскинутых там палаток. К колышкам палаток были привязаны верблюды и красивые лошади, а из одной палатки раздавалась веселая мелодия цитры и двух прекрасных мужских голосов. Моему брату показалось, что люди, выбравшие себе для лагеря такое веселое местечко, не могут замышлять против него никакого зла, и поэтому он без боязни последовал призыву своих проводников, которые, развязав его веревки, сделали ему знак сойти с лошади.

Его привели в палатку; она была больше остальных и внутри красиво, почти изящно убрана. Великолепные вышитые золотом подушки, тканые ковры и позолоченные курильницы где-нибудь в другом месте указывали бы на богатство и довольство, а здесь они казались только смелой добычей. На одной из подушек сидел старый, маленький человек; у него было безобразное лицо, смуглая и блестящая кожа, а неприятная черта злобной хитрости в глазах и рот делали его вид противным. Хотя этот человек старался придать себе некоторую важность, однако Мустафа скоро заметил, что не для него палатка так богато украшена, а разговор его проводников подтверждал, по-видимому, его замечание.

– Где атаман? – спросили они у карлика.

– На маленькой охоте, – отвечал он, – но он поручил мне занимать его место.

– Это он не умно сделал, – возразил один из разбойников, – потому что скоро надо решить: умереть ли этой собаке или заплатить выкуп, а это атаман знает лучше тебя.

Маленький человек с сознанием своего достоинства встал и вытянулся, чтобы концом руки достать ухо своего противника, потому что, по-видимому, хотел отомстить ему ударом; но увидев, что его усилие бесплодно, он начал браниться (правда, и другие не оставались у него в долгу), так что палатка задрожала от их спора. Вдруг дверь палатки растворилась и вошел высокий, статный человек, молодой и прекрасный, как персидский принц. Его одежда и оружие, кроме богато украшенного кинжала и блестящей сабли, было скромно и просто, но его строгий взор, вся его наружность внушали уважение, не возбуждая страха.

– Кто это смеет затевать спор в моей палатке? – крикнул он перепугавшимся разбойникам.

Некоторое время в палатке царила глубокая тишина. Наконец один из тех, которые привели Мустафу, рассказал, как это произошло. Тогда лицо атамана, казалось, покраснело от гнева.

– Когда это я сажал тебя на свое место, презренный Гассан? – страшным голосом крикнул он.

Карлик съежился от страха, так что стал казаться еще гораздо меньше, чем прежде, и скользнул к двери палатки. Достаточно было одного удара ногою, чтобы он большим странным прыжком вылетел за дверь.

Когда карлик исчез, три человека подвели Мустафу к хозяину палатки, который между тем лег на подушки.

– Вот мы привели того, кого ты приказал нам поймать.

Атаман долго смотрел на пойманного и затем сказал:

– Зулиейкский паша! Твоя собственная совесть скажет тебе, почему ты стоишь перед Орбазаном.

Услыхав это, мой брат бросился перед ним на колени и отвечал:

– Господин! Ты, кажется, ошибаешься. Я бедный неудачник, а не паша, которого ты ищешь!

Все в палатке были изумлены этой речью. Но хозяин сказал:

– Тебе мало может помочь твое притворство, потому что я приведу к тебе людей, которые хорошо знают тебя.

Он велел привести Зулейму. В палатку привели старую женщину, которая на вопрос, не узнает ли она в моем брате зулиейкского пашу, отвечала:

– Конечно! Клянусь могилой Пророка, это паша, а никто другой.

– Видишь, негодный, как не удалась твоя малодушная хитрость? – гневно заговорил атаман. – Ты для меня слишком жалок, чтобы я испачкал твоей кровью свой хороший кинжал; но завтра, когда взойдет солнце, я привяжу тебя к хвосту своего коня и буду скакать с тобой по лесам, до тех пор, пока оно не скроется за холмы Зулиейка!

Тогда мой бедный брат упал духом.

– Это проклятие моего жестокого отца подвергает меня позорной смерти! – воскликнул он плача. – И ты погибла, милая сестра, и ты, Зораида!

– Твое притворство не поможет тебе, – сказал один из разбойников, связывая ему за спину руки. – Убирайся из палатки, потому что атаман кусает себе губы и посматривает на свой кинжал. Если ты хочешь прожить еще одну ночь, то уходи!

Когда разбойники собрались увести моего брата из палатки, они встретили трех других, которые гнали перед собою пленника. Они вошли вместе с ним.

– Вот мы привели пашу, как ты велел нам! – сказали они и подвели пленника к подушке атамана.

Когда пленника вели, мой брат имел случай рассмотреть его и сам поразился сходством между собой и этим человеком; только лицо у того было смуглее и борода чернее. Атаман, по-видимому, был очень изумлен появлением второго пленника.

– Кто же из вас настоящий? – спросил он, смотря то на моего брата, то на другого человека.

– Если ты подразумеваешь зулиейкского пашу, – отвечал гордым тоном пленник, – то это я!

Атаман долго смотрел на него своим строгим, страшным взглядом, а затем молча сделал знак увести пашу. После этого он подошел к моему брату, разрезал кинжалом его веревки и сделал ему знак сесть к нему на подушку.

– Мне жаль, незнакомец, – сказал он, – что я принял тебя за того негодяя; но припиши это непостижимой воле неба, которая привела тебя в руки моих братьев именно в час, предназначенный для гибели того нечестивца.

Мой брат стал просить у него одной-единственной милости – тотчас же позволить ему опять ехать дальше, потому что всякое промедление может сделаться для него гибельным. Атаман осведомился о его спешных делах, и когда Мустафа все рассказал ему, он стал уговаривать брата остаться на эту ночь в его палатке: он и его конь нуждаются в отдыхе, а на следующий день он покажет ему дорогу, которая в полтора дня приведет его в Бальсору. Мой брат согласился, был прекрасно угощен и до утра спокойно спал в палатке разбойника.

Проснувшись, Мустафа увидел, что он совершенно один в палатке, но за занавесом палатки он услышал голоса, которые принадлежали, по-видимому, хозяину палатки и маленькому смуглому человеку. Он немного прислушался и к своему великому ужасу услышал, что карлик настоятельно предлагает другому умертвить незнакомца, потому что он может всех выдать, если будет освобожден.

Мустафа тотчас заметил, что карлик ненавидит его; ведь он был причиной того, что вчера с карликом так дурно обошлись. Атаман, по-видимому, несколько минут раздумывал.

– Нет, – сказал он, – он мой гость, а право гостеприимства для меня священо, к тому он не похож на того, кто может выдать нас.

Сказав так, он откинул занавес и вошел.

– Да будет с тобою мир, Мустафа! – сказал он. – Давай отведаем утреннего напитка, а потом готовься к отъезду!

Он подал моему брату чашу с шербетом. Напившись, они взнуздали лошадей, и поистине с облегченным сердцем вскочил Мустафа на лошадь. Скоро они оставили палатки позади себя, а затем направились по широкой тропинке, которая вела в лес. Атаман рассказал моему брату, что тот паша, которого они поймали на охоте, обещал им терпеть их в своей области и не причинять им вреда; но несколько недель тому назад он поймал одного из их самых храбрых людей и после ужаснейших мучений велел повесить. Он долго подстерегал пашу, и уже сегодня паша должен умереть. Мустафа не смел ничего возразить на это: он был рад, что сам ушел невредимым.

В конце леса атаман остановил лошадь, подробно описал моему брату дорогу, пожал ему на прощание руку и сказал:

– Мустафа, ты странным образом сделался гостем разбойника Орбазана. Я не хочу требовать у тебя не выдавать того, что ты видел и слышал. Ты несправедливо испытал страх смерти, и я должен вознаградить тебя. Возьми на память этот кинжал! Если тебе нужна будет помощь, то пришли его мне, и я поспешу помочь тебе. А этот кошелек, может быть, пригодится тебе в пути.

Мой брат поблагодарил его за великодушие и взял кинжал, но от кошелька отказался. Орбазан еще раз пожал ему руку, бросил кошелек на землю и с быстротой вихря помчался в лес. Когда Мустафа увидел, что ему уж не догнать разбойника, он слез, чтобы поднять кошелек, и испугался большого великодушия своего гостеприимного друга, так как кошелек содержал много золота. Он поблагодарил Аллаха за свое спасение, поручил его милости благородного разбойника и затем весело поехал дальше по дороге в Бальсору.

Здесь Леза замолчал и вопросительно посмотрел на старого купца Ахмета.

– Нет, если это так, – сказал последний, – то я охотно исправлю свое суждение об Орбазане. Правда, с твоим братом он поступил прекрасно!

– Он поступил как честный мусульманин! – воскликнул Мулей. – Но я надеюсь, что этим ты не кончил своего рассказа; ведь, как мне кажется, мы все желаем слушать дальше, что случилось с твоим братом и освободил ли он твою сестру Фатьму и прекрасную Зораиду!

– Если это вам не надоедает, то я охотно расскажу дальше, – сказал Леза, – потому что история моего брата действительно полна приключений и вообще чудесна.

В полдень на седьмой день после отъезда Мустафа въехал в ворота Бальсоры. Только что остановившись в караван-сарае он спросил, когда начнется торг рабами, который здесь происходит ежегодно. Но он получил ужасный ответ, что опоздал на два дня. Его опозданию выразили сожаление и рассказали ему, что он много потерял, потому что еще в последний день торговли прибыли две рабыни такой великой красоты, что привлекли к себе взоры всех покупателей. Из-за них порядком спорили и бились, и они, конечно, были проданы, притом за какую-то столь высокую цену, что ее не мог испугаться только их теперешний господин. Мустафа подробнее осведомился о рабынях, и у него не оставалось никакого сомнения, что это те несчастные, которых он ищет. Он узнал также, что человек, купивший их обеих, живет от Бальсоры на расстоянии сорока часов езды, что его зовут Тиули-Кос, что это знатный, богатый, но уже пожилой человек, который раньше был капудан-пашой⁶ султана, а теперь со своими накопленными богатствами удалился на покой.

Сначала Мустафа хотел тотчас же опять сесть на лошадь, чтобы поспешить вслед за Тиули-Косом, который мог быть впереди его только на один день. Но сообразив, что он один ведь ничего не может сделать могущественному путешественнику и еще меньше может отнять у него добычу, он стал придумывать другой план и скоро нашел его. Сходство с зулейским пашой, которое едва не стало так опасно для него, навело его на мысль отправиться под этим именем в дом Тиули-Коса и таким образом решиться на попытку спасти обеих несчастных девушек. Поэтому он нанял нескольких слуг с лошадьми, в чем ему отлично пригодились деньги Орбазана, закупил для себя и своих слуг великолепные одежды и отправился в путь к замку Тиули.

⁶ Капудан-паша – командующий флотом.

Через пять дней Мустафа приехал к этому замку. Он лежал на прекрасной равнине и был окружен кольцом высоких стен, над которыми здания возвышались лишь очень мало. Прибыв туда, Мустафа выкрасил волосы и бороду в черный цвет, а лицо вымазал соком какого-то растения, который придал ему смуглый цвет, совершенно такой, как у того паши. Затем он послал одного из своих слуг в замок и велел от имени зулиейкского паши просить ночлега. Скоро слуга вернулся и с ним четверо прекрасно одетых рабов, которые взяли лошадь Мустафы под уздцы и повели во двор замка. Там они помогли самому ему сойти с лошади, а четверо других рабов повели его по широкой мраморной лестнице к Тиули.

Тиули, старый весельчак, принял моего брата почтительно и велел подать ему самое лучшее, что мог приготовить его повар. После обеда Мустафа мало-помалу перевел разговор на новых рабынь, и Тиули стал расхваливать их красоту и сожалел только, что они всегда так печальны, но думал, что это скоро пройдет. Мой брат был очень доволен этим приемом и лег отдыхать с прекраснейшими надеждами.

Он проспал, вероятно, около часа, когда его разбудил свет лампы, который ослепительно падал в глаза. Приподнявшись, он подумал, что еще видит сон, потому что перед ним стоял с лампой в руке тот маленький смуглый человек из палатки Орбазана. Его широкий рот был искривлен отвратительной улыбкой. Мустафа ущипнул себя за руку, дернул за нос, чтобы убедиться, проснулся ли он, но видение по-прежнему оставалось.

– Чего тебе надо у моей постели? – воскликнул Мустафа, опомнившись от своего изумления.

– Не беспокойтесь же так, господин! – сказал карлик. – Я отлично догадался, ради чего вы приехали сюда, притом мне было еще очень памятно ваше почтенное лицо; но право, если бы я собственными руками не помогал вешать пашу, то вы, может быть, обманули бы и меня. А теперь я здесь затем, чтобы предложить вам один вопрос.

– Прежде всего скажи, как ты попал сюда, – возразил ему Мустафа, взбешенный тем, что его так быстро узнали.

– Это я скажу вам, – отвечал карлик. – Я не мог дольше ладить с атаманом, почему и бежал; а собственно, ты, Мустафа, был причиной нашей ссоры. За это ты должен дать мне в жены свою сестру, а я помогу вам убежать; если ты не отдашь ее, то я пойду к своему новому господину и кое-что расскажу ему о новом паше.

Мустафа был вне себя от ужаса и бешенства. Теперь, когда он уверенно считал себя у цели своих желаний, суждено было явиться этому несчастному и разрушить их. Было только одно средство, которое могло спасти его план: он должен был убить маленькое страшилище. Поэтому он одним прыжком бросился с кровати на карлика, но последний, вероятно предчувствуя нечто подобное, уронил лампу, так что она погасла, и в темноте отскочил, убийственно закричав о помощи.

Теперь Мустафа находился в затруднительном положении. В эту минуту он должен был отказаться от девушек и думать только о собственном спасении, поэтому он подошел к окну, чтобы посмотреть, нельзя ли ему убежать. До земли было довольно далеко, а на другой стороне стояла высокая стена, которую нужно было перелезть. Он в раздумье стоял у окна, когда услышал множество голосов, приближающихся к его комнате. Они были уже у двери, когда он в отчаянии схватил свой кинжал и одежду и выбросился в окно. Падение было жестоко, но он чувствовал, что ничего не сломал. Поэтому он вскочил и побежал к стене, которая окружала двор, поднялся, к изумлению своих преследователей, наверх и скоро очутился на свободе.

Он бежал, пока не достиг небольшого леса, где в изнеможении бросился на землю. Здесь он стал обдумывать, что делать. Своих лошадей и слуг он должен был оставить, но деньги, которые носил в поясе, спас. Его изобретательная голова скоро указала ему другой путь к спасению. Он пошел по лесу дальше, пока не пришел к деревне, где за ничтожную цену купил лошадь, которая скоро привезла его в город. Там он стал спрашивать врача, и ему посоветовали

одного старого, опытного человека. Несколькими золотыми Мустафа склонил его сообщить ему лекарство, наводящее подобный смерти сон, который можно было бы мгновенно прекратить каким-нибудь другим средством. Когда он овладел этим средством, он купил себе длинную фальшивую бороду, черный плащ и разных баночек и склянок, так что хорошо мог представить странствующего врача, нагрузил свои вещи на осла и опять отправился в замок Тиули-Коса. Он мог быть уверен, что на этот раз его не узнают, потому что борода так изменила его, что он едва сам себя узнавал.

Приехав к Тиули, он велел доложить о себе как о враче Хакаманкабудибабе, и случилось так, как он рассчитывал. Чудесное имя чрезвычайно отрекомендовало его старому дураку, так что он тотчас пригласил его к обеду. Хакаманкабудибаба явился к Тиули, и старик, побеседовав с ним едва час, решил подвергнуть лечению мудрого врача всех своих рабынь. Мустафа едва смог скрыть свою радость, что теперь опять увидит возлюбленную сестру, и с бьющимся сердцем последовал за Тиули, который повел его в сераль⁷. Они пришли в прекрасно убранную комнату, в которой, однако, никого не было.

– Хамбаба или как тебя звать, милый врач, – сказал Тиули-Кос, – смотри-ка на то отверстие в стене! Там каждая из моих рабынь высунет руку, и ты сможешь тогда исследовать: болен или здоров пульс.

Мустафа мог возражать что угодно, – ему не дали видеть рабынь, но Тиули согласился всякий раз говорить ему, как они обыкновенно чувствовали себя прежде. Затем Тиули вынул из-за пояса длинную записку и громким голосом начал поодиночке вызывать своих рабынь, после чего из стены каждый раз высовывалась рука и врач исследовал пульс.

Было прочитано уже шесть имен, и все были объявлены здоровыми. Седьмою Тиули назвал Фатьму, и из-за стены выскользнула маленькая, белая ручка. Дрожа от радости, Мустафа схватил эту руку и с значительной миной объявил ее серьезно больной. Тиули сделался очень озабоченным и велел своему мудрому Хакаманкабудибабе скорее приготовить для нее лекарство. Врач вышел и написал на маленькой записке:

«Фатьма! Я спасу тебя, если ты решишься принять лекарство, которое на два дня сделает тебя мертвой. Я владею средством опять привести тебя к жизни. Если ты хочешь, то скажи только, что питье не помогло, и это будет для меня знаком, что ты на мой план соглашаешься».

⁷ Сераль – часть дома, предназначенная только для женщин.

Вскоре он вернулся в комнату, где его ожидал Тиули. Он принес с собой безвредное питье, еще раз пощупал у больной Фатьмы пульс и в то же время сунул ей под браслет записку, а питье подал ей через отверстие в стене. Тиули, казалось, был очень озабочен за Фатьму и осмотр остальных рабынь отложил до более удобного времени. Когда он вместе с Мустафой покинул комнату, то сказал печальным тоном:

– Хадибаба, скажи откровенно, что ты думаешь о болезни Фатьмы?

Хакаманкабудибаба отвечал с глубоким вздохом:

– Ах, господин, да дарует тебе Пророк утешение! У нее изнурительная лихорадка, которая может, пожалуй, отправить ее на тот свет.

Тогда Тиули разразился гневом:

– Что ты говоришь, проклятая собака, а не врач? Она, за которую я дал две тысячи золотых, должна умереть, как корова? Знай, что если ты не спасешь ее, то я отрублю тебе голову!

Мой брат заметил, что сделал глупость, и опять подал Тиули надежду. Когда они еще говорили так, из сераля пришел черный раб сказать врачу, что питье не помогло.

– Употребь все свое искусство, Хакамдабавельба, или как ты подписываешься, я заплачу тебе, что ты захочешь! – кричал Тиули-Кос, почти воя от страха потерять со смертью рабыни столько золота.

– Я дам ей настойку, которая избавит ее от всякого недуга, – отвечал мнимый врач.

– Да! да! дай ей скорее настойку! – рыдал старый Тиули.

Обрадованный Мустафа принес свой усыпляющий напиток. Отдав его черному рабу и показав, сколько нужно принять сразу, он пошел к Тиули сказать, что ему надо набрать у озера еще некоторых целебных трав, и поспешил за ворота. У озера, которое было недалеко от замка, он снял свою фальшивую одежду и бросил ее в воду, так что она забавно поплыла, а сам спрятавшись в кустах, дождался там ночи и тогда пробрался в склеп при замке Тиули.

Не прошло, вероятно, и часа, как Мустафы не было в замке, когда Тиули принесли ужасное известие, что его рабыня Фатъма находится при смерти. Он послал на озеро, чтобы скорее привести врача, но его посланные вернулись одни и рассказали ему, что бедный врач упал в воду и утонул – видно, как его черный плащ плавает посредине озера, а по временам из воды показывается его почтенная борода. Когда Тиули не видел уж никакого спасения, он стал проклинать себя и весь свет, рвать на себе бороду и биться головой об стену. Но все это не могло помочь, и Фатъма скоро испустила дух на руках остальных женщин. Услыхав известие о ее смерти, Тиули приказал скорее сделать гроб, потому что не мог выносить в доме покойника, и велел отнести труп в склеп. Носильщики принесли туда гроб, поскорее опустили его и убежали, потому что услышали стоны и вздохи в других гробах.

Мустафа, спрятавшийся за гробами и оттуда обративший в бегство носильщиков гроба, вышел и зажег лампу, которую с этой целью принес с собой. Затем он вынул пузырек, содержащий пробуждающее лекарство, и поднял крышку с гроба Фатъмы. Но какой ужас охватил его, когда при свете лампы ему показались совершенно незнакомые черты лица! В гробу лежала не сестра моя и не Зораида, а совершенно другая. Ему нужно было много времени, чтобы опомниться от нового удара судьбы. Наконец сострадание превозмогло его гнев. Он открыл свой пузырек и влил мертвой лекарство. Она вздохнула, открыла глаза и, казалось, долго раздумывала, где она. Наконец она вспомнила случившееся, встала из гроба и бросилась к ногам Мустафы.

– Как мне благодарить тебя, доброе существо, – воскликнула она, – за то, что ты освободил меня из моего ужасного плена!

Мустафа прервал ее изъявления благодарности вопросом, как же это произошло, что спасена она, а не его сестра Фатъма. Она изумленно посмотрела на него.

– Только теперь мне становится ясным мое спасение, которое прежде мне было непонятно, – отвечала она. – Знай, что в том замке меня звали Фатъмой и мне ты отдал и свою записку, и спасительное питье.

Мой брат потребовал у спасенной рабыни дать ему сведения о его сестре и Зораиде и узнал, что обе они находятся в замке, но, по обыкновению Тиули, получили другие имена: теперь их зовут Мирза и Нурмагаль. Когда Фатъма, спасенная рабыня, увидела, что мой брат так поражен этой ошибкой, она стала ободрять его и обещала сказать ему средство, как можно все-таки спасти обеих девушек. Ободренный этой мыслью, Мустафа возымел новую надежду. Он попросил Фатъму назвать ему это средство, и она сказала:

– Хотя я только пять месяцев была рабыней Тиули, однако с самого начала думала о спасении, но для меня одной оно было слишком трудно. На внутреннем дворе замка ты, вероятно, заметил фонтан, который выбрасывает воду из десяти труб. Этот фонтан бросился мне в глаза, я вспомнила, что в доме своего отца я видела такой же, к которому вода притекала через обширный водопровод. Чтобы узнать, так же ли построен этот фонтан, я однажды стала расхваливать перед Тиули его великолепие и спросила, кто его строил. «Я сам построил его, – отвечал он, – и то, что ты видишь здесь, еще пустяки: вода течет сюда из ручья по крайней мере за тысячу шагов и проходит по сводчатому водопроводу высотой по меньшей мере в человеческий рост; и все это я сам устроил». Услышав это, я часто стала желать только на одно мгновение иметь мужскую силу, чтобы вынуть камень из стенки фонтана, – тогда я могла бы бежать куда захотела. Я укажу тебе этот водопровод; через него ты сможешь проникнуть ночью в замок и освободить тех рабынь. Но ты должен иметь с собой по крайней мере еще двух человек, чтобы осилить рабов, которые ночью стерегут сераль.

Так говорила Фатма, а мой брат Мустафа, хотя уже дважды обманывался в своих надеждах, еще раз собрался с духом и надеялся с помощью Аллаха привести в исполнение план рабыни. Он обещал ей позаботиться о ее дальнейшем отъезде на родину, если она поможет ему проникнуть в замок. Но его заботила еще одна мысль: откуда достать двух или трех верных помощников. Тогда он вспомнил кинжал Орбазана и данное им обещание поспешить к нему на помощь когда будет нужно; поэтому он вместе с Фатмой вышел из склепа, чтобы отыскать знаменитого разбойника.

В том самом городе, где он превратился во врача, он на последние деньги купил коня и поселил Фатму у одной бедной женщины в предместье. Сам он поспешил к тем горам, где в первый раз встретил Орбазана, и через три дня приехал туда. Скоро он опять нашел те палатки и неожиданно вошел к Орбазану, который дружески приветствовал его. Мустафа рассказал ему о своих неудавшихся попытках, причем суровый Орбазан иногда не мог удержаться от смеха, особенно когда представлял себе врача Хакаманкабудибабу. Но изменой карлика он был взбешен и поклялся собственноручно повесить его, где бы ни нашел его. А моему брату он обещал быть готовым на помощь тотчас же, как только он подкрепится после пути. Поэтому на ночь Мустафа опять остался в палатке Орбазана, а с первой утренней зарей они выехали, и Орбазан взял с собой трех человек из своих самых храбрых людей, на хороших лошадях и хорошо вооруженных. Они поехали быстро и через два дня прибыли в тот маленький город, где Мустафа оставил спасенную Фатму. Оттуда они вместе с ней поехали дальше к небольшому лесу, откуда на незначительном расстоянии можно было видеть замок Тиули; там они расположились, чтобы дожидаться ночи. Как только стемнело, они, по указаниям Фатмы, стали красться к ручью, где начинался водопровод, и скоро нашли его. Здесь они оставили Фатму и одного слугу с конями и приготовились спускаться. Но прежде чем они спустились, Фатма еще раз подробно повторила им, что через фонтан они придут на внутренний двор замка, там направо и налево в углу две башни, и за шестой дверью, считая от башни направо, находятся Фатма и Зораида, охраняемые двумя черными рабами. Запасшись оружием и ломami, Мустафа, Орбазан и двое других разбойников спустились в водопровод; хотя они почти до пояса погрузились в воду, но тем не менее бодро пошли вперед. Через полчаса они пришли к самому фонтану и тотчас же взялись за свои ломы. Стена была толстая и крепкая, но не могла долго противостоять соединенным силам четырех человек. Скоро они пробили отверстие, достаточно большое, чтобы можно было удобно пролезть. Сперва пролез Орбазан и помог пролезть другим. Когда все они были на дворе, они стали осматривать находившуюся перед ними сторону замка, чтобы разыскать описанную дверь. Но они не были согласны, какая это дверь, потому что, считая от правой башни к левой, нашли заделанную дверь и не знали, пропускала ее Фатма или тоже считала. Но Орбазан не стал долго раздумывать.

– Мой добрый меч откроет мне всякую дверь! – воскликнул он и подошел к шестой двери, а другие последовали за ним.

Они открыли дверь и нашли шестерых черных рабов, которые лежали на полу и спали. Увидев, что попали не в ту дверь, они уже хотели опять потихоньку уйти, как в углу приподнялась какая-то фигура и хорошо знакомым голосом закричала о помощи. Это был карлик из лагеря Орбазана. Но еще прежде чем чернокожие узнали хорошенько, что с ними случилось, Орбазан бросился на карлика, разорвал свой пояс, заткнул ему рот и связал руки за спиной. Потом он обратился к рабам, из которых некоторые уже были наполовину связаны Мустафой и двумя другими, и помог совершенно одолеть их. Рабам приставили к груди кинжалы и спросили, где Нурмагаль и Мирза. Они признались, что девушки в соседней комнате. Мустафа бросился в эту комнату и встретил Фатьму и Зораиду, которых разбудил шум. Они быстро собрали свои украшения и платья и последовали за Мустафой. Между тем оба разбойника предлагали Орбазану наgrabить, что найдется, но он запретил им это и сказал:

– Про Орбазана не должны говорить, что он ночью влезает в дома красть золото!

Мустафа и спасенные девушки быстро пролезли в водопровод, а Орбазан обещал тотчас же последовать за ними.

Когда они спускались в водопровод, Орбазан и один из разбойников взяли карлика и вывели его на двор; здесь они обвязали вокруг его шеи шелковый шнурок, взятый ими для этого с собой, и повесили его на самом высоком шпиге фонтана. Наказав так измену несчастного, они сами тоже спустились в водопровод и последовали за Мустафой. Обе девушки со слезами благодарили своего великодушного спасителя Орбазана, а он торопил их, так как было очень вероятно, что Тиули велит преследовать их во все стороны.

На другой день Мустафа и спасенные девушки с глубоким умилением расстались с Орбаном. Право, они никогда не забудут его! А Фатьма, освобожденная рабыня, отправилась переодетой в Бальсору, чтобы там сесть на корабль и уехать на родину.

После короткого и приятного путешествия мои родственники прибыли домой. Радость свидания чуть не убила моего старого отца. На другой день после их приезда он устроил большое торжество, в котором принимал участие весь город. Мой брат должен был рассказать свою историю перед большим собранием родственников и друзей, и они единогласно хвалили его и благородного разбойника.

А когда мой брат кончил, отец встал и подвел к нему Зораиду.

– Так я снимаю, – сказал он торжественным голосом, – свое проклятие с твоей головы! Возьми Зораиду как награду, которую ты завоевал себе своим неутомимым усердием; прими мое отцовское благословение, и пусть у нашего города никогда не будет недостатка в людях, подобных тебе в братской любви, уме и усердии!

* * *

Караван достиг конца пустыни, и путники радостно приветствовали зеленые лужайки и густолиственные деревья – они много дней были лишены их прелестного вида. Караван-сарай, который они выбрали себе для ночлега, лежал в прекрасной долине, и хотя в нем было мало удобств и прохлады, однако все общество стало веселее и откровеннее чем когда-либо: ведь мысль, что они избавились от опасностей и лишений, сопряженных с путешествием по пустыне, раскрыла все сердца и настроила душу к шуткам и веселью. Мулей, молодой, веселый купец, стал танцевать комические танцы и при этом пел песни, которые даже у серьезного грека Цалейкоса вызывали улыбку. Мало того что он развеселил своих товарищей танцами и игрой, он еще преподнес им обещанный рассказ и, отдохнув от своих прыжков, стал рассказывать так...

Рассказ о Маленьком Муке

В Никее, моем милом родном городе, жил один человек, которого звали Маленьким Муком. Хотя тогда я был еще очень молод, но могу представить его себе еще вполне хорошо, особенно потому, что однажды из-за него отец высек меня до полусмерти. Маленький Мук, когда я его знал, был уже стариком, но ростом всего в три или четыре фута, причем имел странную фигуру, потому что его тело, такое маленькое и изящное, должно было носить голову гораздо больше и толще, чем у других людей. Он жил совершенно один в большом доме и даже сам варил себе нищу, причем в городе не знали бы, жив он или умер – ведь он выходил только раз в месяц, – если бы в обеденный час из его дома не поднимался густой дым; но по вечерам часто видели, как он взад и вперед ходит по крыше, хотя с улицы казалось, что по крыше бегают одна только его большая голова.

Я и мои товарищи были злыми мальчиками, которые охотно дразнили и насмехались над всеми; поэтому всякий раз, когда Маленький Мук выходил из дома, для нас был праздник. В определенный день мы собирались перед его домом и ждали, пока он выйдет. Когда отворялась дверь и сперва выглядывала большая голова с еще большим тюрбаном, когда затем следовало остальное тельце, одетое в потертый плащик, широкие шаровары и широкий пояс, на котором висел длинный кинжал, такой длинный, что не знаешь, Мук ли надет на кинжал или кинжал на Мука, когда он так выходил, то воздух оглашался нашим радостным криком.

Мы бросали вверх свои шапки и как сумасшедшие плясали вокруг него. А Маленький Мук важным киванием головы кланялся нам и медленным шагом шел вниз по улице, причем шлепал ногами, потому что на нем были большие, широкие туфли, каких я еще никогда не видал. Мы, мальчики, бежали за ним и все кричали: «Маленький Мук, Маленький Мук!» У нас даже была веселая песенка, которую мы иногда пели в честь него; в ней говорилось:

Карлик Мук, карлик Мук,
В большом доме ты живешь,
В месяц раз на улицу идешь!
Оглянись-ка на себя —
Ведь головка с гору у тебя!
Посмотри-ка ты вокруг
И поймай нас, карлик Мук!

Мы уже часто забавлялись так, и к своему стыду я должен сознаться, что поступал хуже всех: часто дергал Мука за плащик и раз даже наступил ему сзади на большие туфли, так что он упал. Это показалось мне очень смешным, но мой смех прошел, когда я увидел, что Маленький Мук подходит к дому моего отца. Он вошел прямо в дом и некоторое время оставался там. Я спрятался у двери и видел, как Маленький Мук опять вышел в сопровождении моего отца, который почтительно держал его за руку и у двери с поклонами простился с ним. Я почувствовал себя не совсем хорошо и поэтому долго оставался в своей засаде, но наконец меня выгнал голод, которого я боялся сильнее побоев, и я смиренно и с опущенной головой предстал перед отцом.

– Ты, как я слышу, издевался над нашим добрым Муком? – сказал он очень строгим тоном. – Я расскажу тебе историю этого Мука, и ты, наверно, не будешь больше насмехаться над ним, но прежде и после этого ты получишь обычное.

А обычным были двадцать пять ударов, которые он обыкновенно отсчитывал слишком точно. Поэтому он взял свою длинную трубку, отвинтил янтарный мундштук и отделал меня сильнее чем когда-либо раньше.

Когда двадцать пять ударов были получены сполна, он велел мне внимательно слушать и стал рассказывать о Маленьком Муке.

Отец Маленького Мука, которого зовут, собственно, Мукра, был здесь, в Никее, уважаемым, но бедным человеком. Он жил почти так же уединенно, как теперь живет его сын; последнего он, конечно, не мог терпеть, стыдясь его фигуры карлика, и поэтому предоставил ему расти в невежестве. Маленький Мук даже шестнадцати лет был еще веселым ребенком, и отец, человек серьезный, всегда порицал его за то, что он еще так глуп и наивен, когда ему уже давно следовало бы выйти из детских лет.

Однажды старик неудачно упал, расшибся и умер, оставив Маленького Мука бедным и неученым. Жестокое родственники, которым умерший был должен больше, чем мог заплатить, выгнали бедного малютку из дома и посоветовали ему идти по свету и искать свое счастье. Маленький Мук отвечал, что он уже готов в путь, но просил себе только отцовскую одежду, которую ему и отдали. Его отец был высоким, сильным человеком, и поэтому его платье не годилось сыну. Однако Мук скоро нашелся: он обрезал то, что было слишком длинно, и потом надел. Но он, по-видимому, забыл, что должен обрезать и в ширину, и вот почему на нем та странная одежда, которую можно видеть еще и теперь: большой тюрбан, широкий пояс, широкие шаровары, синий плащик – все это наследство его отца, которое он носит с тех пор. Он заткнул за пояс длинный дамасский кинжал своего отца, взял палочку и вышел за ворота.

Мук весело бродил целый день, потому что ведь он отправился искать свое счастье. Если он видел на земле осколок стекла, блестящий на солнечном свете, то, наверно, прятал его в карман, думая, что он превратится в прекраснейший алмаз; если видел вдали купол мечети, сиявший как в огне, если видел озеро, блестящее как зеркало, то с радостью спешил к ним, думая, что пришел в волшебную страну. Но увы! Вблизи эти призраки исчезали, а его усталость и его бурчащий от голода желудок слишком скоро напомнили ему, что он находится еще в стране смертных. Так он проходил два дня, голодный и печальный, и отчаялся найти свое счастье; полевые плоды были его единственной пищей, жесткая земля – его ночлегом.

Утром на третий, день он увидел с возвышенности большой город. Полумесяц ярко сиял на его зубцах, пестрые флаги развевались на крышах и, казалось, манили к себе Маленького Мука. Пораженный, он остановился и стал рассматривать город и местность. «Да, там малютка Мук найдет свое счастье, – сказал он сам себе и, несмотря на свою усталость, подпрыгнул. – Там или нигде!» Он собрал все свои силы и пошел к городу. Но хотя город казался совсем близко, однако Мук смог достигнуть его только в полдень, потому что его маленькие ноги почти совсем отказывались служить ему, и он часто должен был садиться в тень пальмы, чтобы отдохнуть.

Наконец он подошел к воротам города. Он оправил свой плащик, красивее повязал тюрбан, надел пояс еще шире и заткнул длинный кинжал более криво. Потом он стер с башмаков пыль, взял свою палочку и бодро вошел в ворота.

Он прошел уже несколько улиц, но нигде не отворялась дверь, нигде не кричали, как он воображал: «Маленький Мук, войди, поешь и попей и дай отдохнуть своим ножкам!»

Когда он у одного большого прекрасного дома опять очень тоскливо смотрел вверх, отворилось окно, выглянула старая женщина и стала звать певучим голосом:

Сюда, сюда!
Кашка сварена,
Стол уж накрыт,
Был бы у вас аппетит!
Соседушки, сюда,
Кашка сварена!

Дверь отворилась, и Мук увидел, что в дом вошло множество собак и кошек. Несколько минут он стоял в нерешительности, последовать ли ему приглашению, но наконец собрался с духом и пошел в дом. Перед ним шли несколько молодых кошечек, и он решил следовать за ними, потому что они, может быть, знали кухню лучше его.

Когда Мук поднялся по лестнице, он встретил ту старую женщину, которая выглядывала в окно. Она сердито посмотрела на него и спросила, что ему нужно.

– Ведь ты всех приглашала к своей каше, – отвечал Маленький Мук, – а я очень голоден и поэтому тоже пришел.

Старуха громко засмеялась и сказала:

– Откуда же ты пришел, чудак? Весь город знает, что я варю кашу только для своих милых кошек, и иногда, как ты видишь, приглашаю в их общество соседей.

Маленький Мук рассказал старой женщине, как тяжело ему пришлось после смерти отца, и стал просить ее дать ему сегодня поесть вместе с ее кошками. Старуха, которой понравился чистосердечный рассказ малютки, позволила ему быть ее гостем и вдоволь дала ему поесть и попить. Когда он насытился и подкрепился, она долго глядела на него и затем сказала:

– Маленький Мук, оставайся у меня на службе! У тебя будет пустяшная работа и очень хорошее содержание.

Мук, которому понравилась кошачья каша, согласился и таким образом стал слугой госпожи Ахавци. У него была легкая, но странная служба. У госпожи Ахавци были два кота и четыре кошки; Маленький Мук должен был каждое утро чесать им шерсть и натирать их драгоценными мазями. Если хозяйка уходила, он должен был присматривать за ними; когда они ели, он подавал им блюда, а ночью укладывал их на шелковые подушки и укутывал бархатными одеялами. В доме были еще несколько маленьких собак; им он тоже должен был прислуживать, но с ними было не так много хлопот, как с кошками, с которыми госпожа Ахавци обращалась, как с собственными детьми. Впрочем, Мук вел такую же одинокую жизнь, как в доме своего отца, потому что, кроме госпожи, он целый день видел только собак и кошек.

Некоторое время Маленькому Муку жилось вполне хорошо: у него всегда была еда и мало работы, а старая госпожа, по-видимому, была очень довольна им. Но мало-помалу кошки стали шаловливыми: когда старуха уходила, они как бешеные начинали прыгать по комнатам, разбрасывали все вещи и разбивали много прекрасной посуды, которая попадалась им. А услышав, что хозяйка идет по лестнице, они залезали на свои подушки и как ни в чем не бывало виляли хвостами. Видя свои комнаты опустошенными, госпожа Ахавци сердилась и все свали-

вала на Мука. Он мог как угодно уверять ее в своей невинности, – она верила своим кошкам, которые так невинно смотрели, больше, чем своему слуге.

Маленький Мук был очень огорчен, что и здесь не нашел своего счастья, и про себя решил оставить службу у госпожи Ахавци. Но так как при первом своем путешествии он испытывал, как плохо жить без денег, то решил каким-нибудь образом получить плату, которую его повелительница всегда обещала ему, но никогда не давала. В доме госпожи Ахавци находилась комната, которая всегда была заперта и внутренность которой Мук никогда не видал. Но он слышал, что хозяйка часто возится в ней, и очень охотно узнал бы, что она там спрятала. Когда он стал думать о деньгах для путешествия, ему пришло в голову, что там, может быть, спрятаны сокровища хозяйки. Но дверь всегда была крепко заперта, и поэтому он никогда не мог пробраться к сокровищам.

Однажды утром, когда госпожа Ахавци ушла, одна из собачек, с которой хозяйка обращалась всегда очень грубо, но у которой Мук разными дружескими услугами приобрел большое расположение, стала дергать его за широкие шаровары и при этом вела себя так, как если бы Мук должен был следовать за ней. Мук, который охотно играл с собаками, пошел за ней, и что же! – собачка привела его в спальню госпожи Ахавци к маленькой двери, которой он прежде никогда там не замечал; дверь была полуоткрыта. Собачка вошла, а Мук последовал за ней, и как радостно он был поражен, увидев, что находится в той комнате, которая уже давно была целью его желаний. Он стал везде осматривать, нельзя ли найти денег, но ничего не находил. Кругом были только старые платья и причудливой формы сосуды. Один из этих сосудов привлек к себе его особенное внимание. Он был из хрусталя и на нем были вырезаны прекрасные фигуры. Мук поднял его и стал поворачивать во все стороны. О ужас! Он не заметил, что у сосуда была неплотно прилежавшая к нему крышка. Крышка упала и разбилась на тысячу кусков.

Маленький Мук долго стоял помертвевшим от ужаса. Теперь его судьба была решена, теперь он должен был убежать, а то старуха убьет его. Путешествие Мука было тотчас же решено, и он только еще раз осмотрелся, нельзя ли воспользоваться для него чем-нибудь из пожитков госпожи Ахавци. Ему попала на глаза пара ужасно больших туфель. Они, правда, были некрасивы, но его собственные уже не могли выдержать пути. Эти туфли привлекали его также своей величиной; ведь если они будут у него на ногах, то, наверно, все люди увидят, что он вышел из детских лет. Итак, он быстро снял свои туфельки и въехал в большие туфли. Тросточка, с прекрасно вырезанной львиной головой, тоже, как ему показалось, стояла в углу совсем напрасно; поэтому он взял ее с собой и поспешил из комнаты. Затем он пошел в свою комнату, надел плащик, повязал отцовский тюрбан, сунул кинжал за пояс и быстро, как только его несли ноги, побежал из дома и из города. За городом он, из страха перед старухой, бежал все дальше, пока от усталости почти уж не мог бежать. Во всю свою жизнь он не ходил так быстро; ему даже казалось, что он совсем не может остановиться: какая-то невидимая сила увлекала его. Наконец он заметил, что, должно быть, в туфлях есть что-то особенное, потому что они стремились все дальше и тащили его с собой. Он всячески пробовал остановиться, но это не удавалось. Выбившись из сил, он закричал сам себе, как кричат лошадям: «Тпру, тпру!» Туфли остановились, и Мук в изнеможении бросился на землю. Туфли необыкновенно обрадовали его. Таким образом он хоть что-нибудь приобрел своей службой, что во всяком случае могло помочь ему в его путешествии за счастьем. Несмотря на свою радость, он от изнеможения заснул, потому что его тельце, которому приходилось носить такую тяжелую голову, не могло много выдержать. Во сне ему явилась собачка, которая в доме госпожи Ахавци доставляла ему туфли, и сказала:

«Милый Мук, ты еще не вполне знаешь употребление туфель; знай, что если ты в них трижды повернешься на каблуке, то можешь лететь, куда только захочешь; а палочкой ты можешь

находить сокровища: где зарыто золото, там она трижды ударит по земле, а где серебро – дважды».

Так снилось Маленькому Муку. Проснувшись, он стал размышлять о чудесном сне и решил сейчас же сделать пробу. Он надел туфли, приподнял ногу и начал повертываться на каблуке. Но кто когда-нибудь пробовал три раза подряд сделать этот фокус в неимоверно широких туфлях, тот не удивится, что это Маленькому Муку не сразу удалось, особенно если вспомнить, что тяжелая голова перевешивала его то на ту, то на другую сторону.

Несколько раз бедный малютка здорово падал на нос; однако он не боялся повторять свою попытку и наконец она удалась. Он как колесо завертелся на каблуке, захотел лететь в ближайший большой город, и – туфли поднялись в воздух и с быстротой ветра полетели через облака! Еще прежде чем Маленький Мук смог опомниться, как это с ним произошло, он уже находился на большой площади, где было построено много лавок и бесчисленное множество людей суетливо бегали взад и вперед. Он стал прохаживаться в толпе, но скоро счел более благоразумным отправиться на пустынную улицу, потому что на площади то ему кто-нибудь наступал на туфли и он почти падал, то он своим торчавшим сбоку длинным кинжалом толкал того или другого и едва избегал побоев.

Теперь Маленький Мук стал серьезно раздумывать, что он может предпринять, чтобы заработать себе немного денег. У него, правда, была палочка, которая указывала ему зарытые сокровища, но где ему сейчас найти место с зарытым золотом или серебром? Пожалуй, в крайности он мог бы показывать себя за деньги, но для этого он был все-таки слишком горд. Наконец ему пришла в голову быстрота его ног. «Мои туфли, – подумал он, – пожалуй, могут доставить мне пропитание». Он решил наняться скороходом. А так как он мог надеяться, что за такую службу правитель этого города заплатит всего лучше, то он разузнал, где находится дворец. У ворот дворца стояла стража, которая спросила его, что он здесь ищет. На его ответ, что он ищет службу, его отослали к надсмотрщику рабов. Мук изложил ему свое желание и попросил его доставить ему службу в королевских гонцах.

Надсмотрщик смерил его глазами с головы до ног и сказал:

– Как, с твоими ножками, которые едва ли длиннее пяди, ты хочешь сделаться королевским скороходом? Пошел прочь, я здесь не затем, чтобы забавляться со всяким дураком!

Но Маленький Мук стал уверять его, что вполне серьезно говорит о своем предложении и хотел бы состязаться с самым быстрым гонцом. Это надсмотрщику показалось очень смешным. Он велел Муку приготовиться к вечеру для состязания в беге, отвел его на кухню и позаботился, чтобы Муку дали как следует поесть и попить. А сам он отправился к королю и рассказал ему о Маленьком Муке и его предложении. Король был веселым человеком, и поэтому ему понравилось, что надсмотрщик рабов для забавы удержал Маленького Мука. Он приказал на большом лугу, за дворцом, сделать приготовления, чтобы всему двору с удобством можно было видеть состязание в беге, и еще раз поручил надсмотрщику иметь о карлике большое попечение. Король рассказал своим принцам и принцессам, какое зрелище они будут иметь в этот вечер. Те пересказали это своим слугам, и когда настал вечер, все были в напряженном ожидании, и все, у кого были ноги, высыпали на луг, где были устроены подмости, чтобы видеть бег хвастливого карлика.

Когда король и его сыновья и дочери заняли места на подмостках, на луг вышел Маленький Мук и сделал высоким господам чрезвычайно грациозный поклон. Когда они увидели малютку, раздался всеобщий радостный крик: такой фигуры там еще никогда не видали. Тельце с огромной головой, плащик и широкие шаровары, длинный кинжал за широким поясом, маленькие ножки в широких туфлях – нет, видеть это было слишком забавно, чтобы громко не посмеяться! Но смех не смутил Маленького Мука. Он гордо стоял, опираясь на палочку, и ожидал своего соперника. Надсмотрщик рабов, по собственному желанию Мука, выбрал самого лучшего бегуна. Вот он вышел, стал рядом с карликом, и оба ожидали знака.

Тогда принцесса Амарца махнула, как было условлено, своим покрывалом, и как две стрелы, пущенные в одну цель, оба бегуна понеслись по лугу.

Сначала соперник Мука значительно опередил его, но Мук на своих туфлях-скороходах погнался за ним, догнал его, обогнал и давно стоял у цели, когда тот еще бежал тяжело дыша. Удивление и изумление на несколько минут сковали зрителей; но когда король первый захлопал в ладоши, толпа заликовала, и все воскликнули:

– Да здравствует Маленький Мук, победитель на состязании в беге!

Между тем Маленького Мука привели; он бросился перед королем ниц и сказал:

– Могущественнейший король, здесь я дал тебе только небольшой образчик своего искусства; соблаговоли же позволить, чтобы мне дали место среди твоих гонцов!

А король отвечал ему:

– Нет, ты будешь моим личным гонцом и всегда при моей особе, любезный Мук! Ты будешь ежегодно получать сто золотых жалованья и есть за столом моих первых слуг.

Итак, Мук уж думал, что наконец он нашел счастье, которое так долго искал, и был от души рад и доволен. Он пользовался даже особой милостью короля, который употреблял его для своих самых спешных и самых тайных посланий. Мук исполнял их с величайшей точностью и совершенно непостижимой быстротой.

Но остальные слуги короля были совсем не расположены к Муку. Они с неудовольствием видели, что благодаря карлику, который ничего не умел, как только быстро бегать, они теряли милость своего государя. Поэтому они устраивали против Мука много заговоров, чтобы свергнуть его, но все заговоры разбивались о большое доверие, которое король питал к своему тайному обер-лейб-гонцу (в короткое время Мук достиг и этого достоинства).

Карлик, от которого не ускользали эти козни против него, не думал о мести, – для этого у него было слишком доброе сердце, – нет, он думал о средстве сделаться необходимым для своих врагов и любимым ими. Тогда ему пришла в голову его палочка, о которой в своем счастье он совсем забыл. Если он найдет сокровища, думал Мук, то люди сделаются благосклоннее к нему. Он уже часто слышал, что отец теперешнего короля зарыл в землю много своих сокровищ, когда на его страну напал враг. Говорили также, что он умер, не сообщив сыну своей тайны. С этих пор Мук всегда брал с собой палочку, в надежде пройти когда-нибудь мимо того места, где зарыты деньги старого короля.

Однажды вечером случай привел его в отдаленную часть дворцового сада, которую он мало посещал. Вдруг он почувствовал, что палочка в его руке вздрогнула и три раза ударила о землю. Теперь он уже знал, что это могло значить. Поэтому он вынул кинжал, сделал знаки на стоявших кругом деревьях и прокрался опять во дворец. Там он достал заступ и для своего предприятия стал дожидаться ночи.

Впрочем, само откапывание сокровищ доставило маленькому Муку больше хлопот, чем он думал. Его руки были слишком слабы, а заступ – велик и тяжел. Он проработал, вероятно, уже два часа, прежде чем вырыл на глубину нескольких футов. Наконец он наткнулся на что-то твердое, что зазвенело, как железо. Теперь он стал копать усерднее, и скоро увидел большую железную крышку. Он сам спустился в яму, чтобы посмотреть, что могла покрывать крышка, и действительно нашел большой горшок, наполненный золотыми монетами. Но его слабых сил не хватало, чтобы поднять горшок; поэтому он набрал золота в шаровары и пояс, сколько мог унести, и даже свой плащик наполнил им, тщательно опять закрыл остальное и все взвалил на спину. Но, право, если бы на ногах у него не было туфель, он не сошел бы с места, – так давила его тяжесть золота. Все-таки он незамеченным пришел в свою комнату и там спрятал золото под подушками своего дивана.

Когда Маленький Мук увидел себя обладателем такого количества золота, он подумал, что теперь дело примет иной оборот, и что среди своих врагов при дворе он приобретет себе много доброжелателей и искренних приверженцев. Уже по этому можно было узнать, что доб-

рый Мук не получил, должно быть, очень тщательного воспитания, иначе он, конечно, не мог бы вообразить, что золотом приобретет истинных друзей. Ах, пусть бы он тогда наострил свои туфли и убежал с полным золотом плащиком!

Золото, которое с этих пор Маленький Мук стал раздавать горстями, возбудило зависть остальных придворных слуг. Главный повар Аули говорил: «Он фальшивомонетчик». Надсмотрщик рабов Ахмед говорил: «Он выманил это у короля своей болтовней». А казначей Архац, его злейший враг, который сам иногда, быть может, хватал из кассы короля, прямо сказал: «Он украл золото». И вот, чтобы действовать наверняка, они сговорились, и однажды главный кравчий Корхуц явился к королю очень печальным и грустным. Его печальное выражение лица было так заметно, что король спросил, что с ним.

– Ах! – отвечал он. – Я огорчен тем, что потерял милость своего государя!

– Что за вздор ты говоришь, друг Корхуц? – возразил ему король. – С каких это пор я не освещаю тебя солнцем своей милости?

Главный кравчий отвечал ему, что ведь тайного обер-лейб-гонца он осыпает золотом, а своим бедным, верным слугам ничего не дает.

Очень изумленный этим известием, король велел рассказать о раздаче золота Маленьким Муком, и заговорщики легко внушили ему подозрение, что Мук каким-нибудь образом украл деньги из сокровищницы. Этот оборот дела был очень приятен казначею, который и без того неохотно давал отчет. Поэтому король отдал приказ тайно следить за всяким шагом Маленького Мука, чтобы поймать его, если возможно, на месте. И вот, когда ночью, следовавшей за этим несчастным днем, Маленький Мук, увидевший, что его касса благодаря его щедрости очень истощена, взял заступ и стал красться в дворцовый сад, чтобы там достать из своего тайного клада новый запас, за ним издали последовала стража под предводительством главного повара Аули и казначея Архаца. В ту минуту, когда он хотел класть золото из горшка в свой плащик, они бросились на него, связали и тотчас повели к королю. Последний, которого и без того рассердил перерыв его сна, принял своего бедного тайного обер-лейб-гонца очень немилостиво и тотчас учинил над ним допрос. Горшок совершенно вырыли из земли и вместе с заступом и полным золотом плащиком положили к ногам короля. Казначей заявил, что он со своей стражей застал Мука врасплох, когда он только что зарыл в землю этот горшок с золотом.

Затем король стал допрашивать обвиняемого: правда ли это и откуда он получил золото, которое зарывал.

Маленький Мук, чувствуя свою невиновность, показал, что он нашел этот горшок в саду и что он хотел не зарыть, а вырыть его.

Все присутствовавшие громко засмеялись над этим оправданием, а король, крайне разгневанный мнимой наглостью карлика, воскликнул:

– Как, несчастный! Ты хочешь так глупо и подло обмануть своего короля, обокрав его? Казначей Архац! Я приглашаю тебя сказать, признаешь ли ты эту сумму за ту самую, которой недостает в моей казне?

Казначей отвечал, что он вполне уверен в этом, что столько или еще больше недостает с некоторого времени в королевской казне и что он мог бы дать клятву в том, что это золото украдено.

Тогда король приказал заковать Маленького Мука в тесные оковы и отвести его в башню, а казначею передал золото, чтобы отнести его опять в сокровищницу. Довольный счастливым исходом дела, казначей ушел и дома стал считать блестящие золотые монеты. Но этот злой человек никогда не заявлял, что внизу в горшке лежала записка, в которой было сказано:

«Враг наводнил мою страну, и поэтому я скрываю здесь часть своих сокровищ. Кто бы ни нашел это, да поразит того проклятие его короля, если он тотчас же не передаст это моему сыну!»

Король Сади».

В тюрьме Маленький Мук предавался печальным размышлениям. Он знал, что за кражу королевских вещей определена смерть, и все-таки не хотел открыть королю тайну своей палочки, не без основания боясь лишиться ее и своих туфель. К сожалению, его туфли не могли уже оказать ему никакой помощи, потому что, прикованный к стене в тесных цепях, он не мог, как ни мучился, повернуться на каблуке. Но когда на другой день ему объявили о смерти, тогда он подумал, что лучше жить без волшебной палочки, чем умереть с нею, попросил у короля тайной аудиенции и открыл ему свою тайну. Сначала король не придавал никакой веры его сознанию, но Маленький Мук обещал сделать опыт, если король согласится не умерщвлять его. Король дал ему в этом свое слово, велел тайно от него зарыть в землю немного золота и приказал Муку искать его своей палочкой. Мук в несколько минут нашел его, потому что палочка ясно три раза ударила о землю. Тогда король заметил, что казначей обманул его, и послал ему, как это в обычае на Востоке, шелковый шнурок, чтобы он сам удавился. А Маленькому Муку он сказал:

– Я, правда, обещал тебе жизнь, но мне кажется, что ты владеешь не только одной этой тайной палочки. Поэтому ты останешься в вечном заключении, если не признаешься, что за причина твоего быстрого бегства.

Маленький Мук, у которого одна только ночь в башне отняла всякую охоту к дальнейшему заключению, признался, что все его искусство заключается в туфлях, но не сообщил королю тайны о трехкратном повороте на каблуке. Чтобы сделать опыт, король сам вступил в туфли и как безумный понесся по саду. Он часто хотел остановиться, но не знал, как задержать туфли, и Маленький Мук, который не мог отказать себе в этой небольшой мести, заставил его бегать, пока он не упал без чувств.

Когда король опять пришел в сознание, он был страшно разгневан на Маленького Мука, заставившего его бегать до бесчувствия.

– Я дал свое слово даровать тебе свободу и жизнь, но ты должен в течение двенадцати часов покинуть мою страну, иначе я велю повесить тебя!

А туфли и палочку он велел положить в свою сокровищницу.

Таким же бедным, как всегда, Маленький Мук вышел из страны, проклиная свою глупость, из-за которой он вообразил, что может играть при дворе значительную роль. К счастью, страна, откуда он был изгнан, была невелика; поэтому уже через восемь часов он был на границе, хотя идти для него было очень тяжело, так как он привык к своим милым туфлям.

Когда он очутился за границей, он оставил обычную дорогу, чтобы отыскать самую дремучую глушь лесов и жить там одиноко, потому что он возненавидел всех людей. В дремучем лесу он напал на место, которое показалось ему вполне подходящим для принятого им решения. Светлый ручей, окруженный большими тенистыми смоковницами, и мягкая трава манили его к себе. Там он бросился на землю с решением не принимать больше пищи, а ожидать здесь смерти. Среди печальных размышлений о смерти он заснул; но когда он опять проснулся и его стал мучить голод, он подумал, что голодная смерть – опасная вещь, и оглянулся, нельзя ли где достать чего-нибудь поесть.

На дереве, под которым он спал, висели великолепные, спелые смоквы. Он поднялся наверх, чтобы сорвать себе несколько штук, отлично наелся и потом спустился в ручью, чтобы утолить жажду. Но как велик был его ужас, когда в воде показалась ему его голова, украшенная двумя огромными ушами и толстым длинным носом! Пораженный этим, он схватился руками за уши, и, действительно, они были длиной более половины локтя.

– Я вполне заслуживаю ослиных ушей, – воскликнул он, – потому что, как осел, топтал ногами свое счастье!

Он стал бродить под деревьями, и когда опять почувствовал голод, должен был еще раз прибегнуть к смоквам, потому что кроме них он не нашел на деревьях ничего съедобного. Когда ему, после второй порции смокв, пришло в голову, не поместятся ли, может быть, его уши под большим тюрбаном, чтобы ему иметь все-таки не слишком смешной вид, то он почувствовал, что уши исчезли. Он тотчас побежал назад к ручью, чтобы убедиться в этом. Действительно, его уши имели прежний вид, его длинного безобразного носа уже не было. Теперь он заметил, как это произошло: от первой смоковницы он получил длинный нос и уши, вторая исцелила его. Он с радостью заметил, что его добрая судьба еще раз дает ему в руки средство быть счастливым. Поэтому он нарвал с каждого дерева плодов, сколько мог унести, и вернулся в ту страну, которую недавно покинул. Там, в первом городке, он сделал себя благодаря другой одежде совершенно неузнаваемым, потом пошел дальше, к тому городу, где жил король, и скоро пришел туда.

Это было как раз в то время года, когда спелые плоды были еще довольно редки, поэтому Маленький Мук сел у ворот дворца; ведь ему по прежнему времени было хорошо известно, что здесь главный повар закупал такие редкости для королевского стола. Мук еще недолго просидел, когда увидал, что по двору идет главный повар. Он стал осматривать товары продавцов, которые собрались у ворот дворца; наконец его взгляд упал и на корзинку Мука.

– Ах! Редкое блюдо, – сказал он, – которое, наверно, понравится его величеству. Что ты хочешь за всю корзину?

Маленький Мук назначил умеренную цену, и они скоро сторговались. Главный повар передал корзину рабу и пошел дальше, а Маленький Мук между тем убежал, опасаясь, что его, как продавца, могут отыскать и наказать, когда головы придворных постигнет беда.

За обедом король был в очень веселом настроении и не раз высказывал своему главному повару похвалы за его хорошую кухню и старание, с которым он всегда выбирает для него самое редкое. Главный повар, хорошо знавший, какой лакомый кусок у него есть еще в запасе, очень весело усмехался и ронял только отдельные слова, как-то: «То ли еще будет» или «Конец – делу венец», так что принцессам стало очень любопытно, что же еще он подаст. А когда наконец он велел подать прекрасные, заманчивые смоквы, тогда из уст всех присутствовавших вырвалось всеобщее «ах!».

– Как спелы, как аппетитны! – воскликнул король. – Главный повар, ты просто молодец и заслуживаешь нашей совершенно особенной милости!

Сказав так, король, который обыкновенно был очень скуп на такие лакомые куски, собственноручно стал разделять смоквы за своим столом. Каждый принц и каждая принцесса получили по две, придворные дамы, визири и аги⁸ – по одной, а остальные он поставил перед собой и с большим удовольствием начал поедать их.

– Но, боже мой, какой у тебя странный вид, отец! – воскликнула вдруг принцесса Амарца.

Все с изумлением взглянули на короля: на голове у него висели огромные уши, длинный нос спускался за подбородок; и сами они смотрели друг на друга с изумлением и ужасом: все были более или менее украшены странным головным убором.

⁸ Ага — титул высших гражданских и военных чиновников на Востоке.

Представьте себе ужас двора! Тотчас послали за всеми врачами в городе. Врачи приходили толпами, назначали пилюли и микстуры, но уши и носы оставались. Одному из принцев сделали операцию, но уши опять выросли.

Мук в своем убежище, куда он удалился, услышал всю историю и узнал, что теперь время действовать. Уже раньше на деньги, вырученные за смоквы, он достал себе одежду, которая могла представить его ученым; длинная борода из козьей шерсти дополняла обман. С мешочком, полным смокв, он отправился во дворец короля и, в качестве иностранного врача, пред-

ложил свою помощь. Сначала к нему были очень недоверчивы, но когда Маленький Мук дал одному из принцев съесть смокву и этим вернул его уши и нос в прежнее состояние, то все захотели вылечиться у иностранного врача. А король молча взял его за руку и повел в свою комнату. Там он отпер дверь, которая вела в сокровищницу, и сделал Муку знак следовать за ним.

– Вот мои сокровища, – сказал король, – выбирай себе, что бы то ни было; все будет тебе даровано, если ты только избавишь меня от этого позорного недуга.

Это было для ушей Маленького Мука приятной музыкой. Он увидел, что у самого входа на полу стояли его туфли, тут же рядом лежала и его палочка. Вот он стал расхаживать по залу, как будто хотел восхищаться сокровищами короля; но едва он подошел к своим туфлям, как поспешно вскочил в них, схватил палочку, сорвал свою фальшивую бороду и показал изумленному королю хорошо знакомое лицо его изгнанного Мука.

– Вероломный король, – сказал он, – ты платишь неблагодарностью за верную службу! Прими как вполне заслуженное наказание уродливость, которую имеешь. Я оставлю тебе уши, чтобы они ежедневно напоминали тебе о Маленьком Муке.

Сказав так, он быстро повернулся на каблуке, пожелал далеко унестись, и еще прежде чем король мог позвать на помощь, Маленький Мук унесся.

С тех пор малютка живет здесь в полном довольстве, но одиноко, потому что он презирает людей. Благодаря опыту он стал мудрым человеком, который заслуживает скорее твоего удивления, чем насмешки, если даже его наружность и имеет, может быть, что-нибудь странное.

Так рассказал мне мой отец. Я выразил ему свое раскаяние в грубом поведении относительно доброго маленького человека, и отец подарил мне другую половину назначенного мне наказания. Я рассказал своим товарищам удивительную судьбу малютки, и мы так полюбили его, что никто больше не издевался над ним. Напротив, мы уважали его, пока он жил, и всегда кланялись ему так низко, как кади и муфтию⁹.

Путешественники решили отдохнуть в этом караван-сараяе, чтобы подкрепить себя и животных для дальнейшего пути. Вчерашняя веселость перешла и на этот день, и они забавлялись разными играми. А после обеда они позвали пятого купца, Али Зицаха, тоже, подобно остальным, исполнить свою обязанность и рассказать какую-нибудь повесть. Он отвечал, что его жизнь слишком бедна выдающимися событиями, чтобы о ней можно было сообщить им что-нибудь, поэтому он хочет рассказать им нечто другое, а именно сказку о мнимом принце.

⁹ Муфтий – высшее духовное лицо.

Сказка о мнимом принце

Некогда жил весьма почтенный портной-подмастерье по имени Лабакан, который учился своему ремеслу у одного искусного мастера в Александрии. Нельзя сказать, чтобы Лабакан был неловок с иглой, напротив, он мог делать очень тонкую работу. Было бы также несправедливо назвать его прямо ленивым, но все-таки с подмастерьем было что-то не совсем ладно. Он часто мог шить не переставая по целым часам, так что игла в его руке раскалялась и нитка дымилась; тогда-то у него и выходила вещь, как ни у кого другого. Но иной раз, и это случалось, к сожалению, часто, он сидел в глубоком размышлении, смотрел неподвижными глазами перед собой и при этом имел на лице и в наружности что-то столь особенное, что его мастер и остальные подмастерья всегда говорили об этом состоянии так: «У Лабакана опять его важный вид».

А в пятницу, когда другие спокойно шли с молитвы домой к своей работе, Лабакан в прекрасной одежде, на которую он с большим трудом скопил себе деньги, выходил из мечети и медленно и гордым шагом шел по площадям и улицам города. Если кто-нибудь из его товарищей говорил ему: «Да будет мир с тобою!» или: «Как поживаешь, друг Лабакан?», то он милостиво делал знак рукой или, самое большее, важно кивал головой. Если тогда его мастер говорил ему в шутку: «Из тебя вышел бы принц, Лабакан», то он радовался этому и отвечал: «Вы это тоже заметили?» или: «Я это уже давно думал!»

Так вел себя почтенный портной-подмастерье Лабакан уже долгое время, но мастер терпел его дурачество, потому что вообще Лабакан был хорошим человеком и искусным работником.

Однажды проезжавший как раз через Александрию брат султана, Селим, прислал к мастеру праздничное платье, чтобы кое-что в нем переменить, а мастер отдал его Лабакану, потому что Лабакан делал самую тонкую работу. Когда вечером мастер и подмастерья ушли, чтобы после дневного труда отдохнуть, непреодолимое желание стало влечь Лабакана назад, опять в мастерскую, где висела одежда царского брата. Он долго стоял перед ней в раздумье, восхищаясь то блеском шитья, то переливающимися цветами бархата и шелка. Он не мог удержаться, он должен был надеть ее, и что же – она так пришлась ему впору, как будто была сделана для него! «Чем я не такой же принц? – спрашивал он себя, расхаживая по комнате взад и вперед. – Не говорил ли уж сам мастер, что я родился принцем!» Вместе с одеждой подмастерье получил, по-видимому, совсем царский образ мыслей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.